

Материалы международного круглого стола
памяти профессора
Николая Львовича Мусхелишвили
(под ред. М.М. Базлева и А.В. Юдина)

Аннотация. 13 октября 2023 г. в рамках VI Конгресса Русского религиозно-гуманитарного общества в стенах Православного Свято-Тихоновского университета в Москве прошел международный круглый стол памяти профессора Николая Львовича Мусхелишвили. Благодаря гибриднему формату выступлений участие в круглом столе приняли бывшие коллеги Николая Львовича как из России, так и Италии, Великобритании, Канады и Украины. Модераторами круглого стола выступили Михаил Максимович Базлев и Алексей Викторович Юдин. В статье приводятся восстановленные и отредактированные по записи материалы, представленные участниками круглого стола. Их целью является попытка восстановить образ профессора Мусхелишвили, поставленные им задачи и те смыслы, что раскрывались вокруг него и благодаря ему.

Ключевые слова: Николай Львович Мусхелишвили, совет по проблеме сознания, теология в России, ИФТИ св. Фомы, психология религии

Для цитирования: Материалы международного круглого стола памяти профессора Николая Львовича Мусхелишвили / под ред. М.М. Базлева и А.В. Юдина // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2024. № 3. С. 27–74. DOI: 10.28995/2658-4158-2024-3-27-74

Proceedings of the International Round Table
in memory of professor Nikolai L. Muskhelishvili
(ed. by M.M. Bazlev, A.V. Yudin)

Abstract. On October 13, 2023, within the framework of the VI Congress of the Russian Religious Studies Society, an international round table in memory of professor Nikolai Lvovich Muskhelishvili was held at the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities in Moscow. Due to the hybrid format of presentations, the round table was attended by former colleagues of Nikolai L. Muskhelishvili from Russia, Italy, Great Britain, Canada and Ukraine. The roundtable was moderated

by Mikhail Maksimovich Bazlev and Alexey Viktorovich Yudin. The article contains edited materials presented by the participants of the round table, restored and edited from the record. Their purpose is to attempt to restore the image of professor Muskhelishvili, the tasks he set and the meanings that unfolded around him and thanks to him.

Keywords: Nikolai L. Muskhelishvili, Council on the Problem of Consciousness, Theology in Russia, St. Thomas IFTI, Psychology of Religion

For citation: Bazlev, M.M. and Yudin, A.V., eds. (2024), "Proceedings of the International Round Table in memory of professor Nikolai L. Muskhelishvili", *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*, no. 3, pp. 27–74, DOI: 10.28995/2658-4158-2024-3-27-74

Георгий Николаевич Мухелишвили

...Сквозь ливрею печальную твоего короля
с бородой, уходящей в далекое море.
Ф.Г. Лорка

Папа отрастил бороду в знак траура, когда умерла его бабушка Марго, сестра академика Николая Ивановича Мухелишвили. Он ее безумно любил и всегда поминал. Я не помню его без бороды, папа всегда носил бороду. А в ноябре 2022 г., за неделю до смерти, когда я увидел его в больнице, он был без бороды...

Я не помню папу без сигареты в зубах, он курил всегда и везде, даже стоя у таблички «не курить», рядом с газовыми баллонами на канадской заправке. Папа утверждал, что начал курить в 6 лет. «Вот мой дед бросил курить и сразу умер», – говорил он всем тем, кто безуспешно пытался убедить его, что нужно курить хотя бы чуточку меньше (слово «бросать» вообще рядом с ним не употреблялось).

Бродский, изданный в «Ардис» и всегда лежащий у папы на самом видном месте, говорил: «Обезьяна взяла в руку камень и стала человеком. Человек взял в руку сигарету и стал поэтом». Папа, наверное, тоже был поэтом, хотя и не писал стихи. Один из его любимых философов, Мартин Хайдеггер, в числе прочего, указывал на поэтическое существо человеческого жительствоваания: папа-поэт говорил со мной о вещах в их "weltgeladenheit" (отягощенности миром), то есть в их истинном свете, и я благодарен ему за это.

Говорил папа всегда серьезно и сразу шутил, без паузы. Ни с кем за свою жизнь я столько не смеялся, как с ним. Вот здесь как раз время вернуться к первой части афоризма Бродского, процитировав папу: «не знаю, как вы, но я точно не от обезьяны».

Папа вырос в Тбилиси, в котором, казалось, он знал всех и каждого, кто где живет, кто что говорил... Были у него и самые близкие друзья: Стасик Маевский – ветеринар и человек-легенда, Гия Инаури – нейрохирург и профессиональный гонщик, Серго Орджоникидзе – кардиолог и звезда легендарного фильма «Я, бабушка, Илико и Илларион», снятого Тенгизом Абуладзе в 1962 г. Про каждого из них у папы было множество смешных и одновременно трагичных историй.

Так, например, однажды в юности папу со Стасиком избилла группа молодых парней. А уже на следующий день они пришли извиняться: оказывается, их перепутали с кем-то. Зато как весело все потом посидели за грузинским столом!

После окончания Тбилисского университета папа поехал поближе к Москве, в Пущино, где писал диссертацию по биофизике. В Москве он познакомился с моей мамой, и они полюбили друг друга. В то время мама была замужем и растила мою старшую сестру Василису, которую папа принял впоследствии как родную дочь. Когда мама сообщила своему мужу Тимуру, что она уходит от него, он решил предложить моему отцу выяснить отношения в честной драке. На дуэль Тимур пришел не один, а с Андреем Тарковским. Папа же пришел со своим другом Стасиком, который после вышеизложенных событий успел отслужить в десанте и, став непобедимым колоссом, возвращался домой в Тбилиси через Москву. Итак, они посмотрели друг на друга – папа на Тимура, а Стасик на Тарковского – и решили отложить драку до лучших времен.

Эти две короткие истории очень характерны для всей папиной жизни: у него все всегда было по Ленгстону Хьюзу – «в одной руке трагедия, в другой руке комедия». Так вся его жизнь и прошла в ритме джазовой поэзии.

Я помню, как папа совершенно виртуозно и феерично играл в пинг-понг, часто не вынимая сигарету из рта. В юности он выиграл чемпионат Тбилиси, став кандидатом в мастера спорта. С годами, благодаря какому-то особому ощущению игры, он совершенно не потерял эту виртуозность. Папа был очень азартен, удачлив и умел очень быстро думать и считать. Он даже побеждал в каком-то чемпионате по бриджу, но, несмотря на все его таланты, всегда отказывался идти со мной в казино.

Папа безумно любил собак, и, несомненно, собаки были важной частью его жизни. Когда мне исполнилось 5 лет, он подарил мне сенбернара Пашу. В тот момент и я, и он чувствовали себя самыми счастливыми на свете. Спустя много лет, когда он был в командировке в Сухуми, маме позвонил папин начальник Марк Мокульский и попросил нас взять свою трехлетнюю собаку, ньюфаундленда Маню. Когда папа вернулся, его встретили не только мы с мамой,

но и теперь уже наша собака Маня. Когда собака была рядом, его глаза всегда светились от радости.

Я помню всех, кто работал под папиным началом в институте молекулярной генетики. Со многими я был довольно близко знаком и мог наблюдать воочию, насколько папу любили и ценили и насколько его общение с ними было всегда гиперэмоциональным и искренним. Поэтому, говоря о папиных отношениях с ними, я не праве употреблять такие холодные и безликие слова, как «коллеги» или «подчиненные».

Папа иногда брал меня с собой в командировки, в основном в Ленинград. Я помню, как он всем готовил по утрам завтрак, как бесконечно шутил и как всем было с ним весело и хорошо. А как искренне папа обижался, если кто-то отказывался есть уже третью по счету порцию!

После моего отъезда папа начал преподавать и почему-то довольно мало рассказывал мне о своей «новой» работе. У него были ученики, которые очень любили его. И любовь эта была взаимна. Мне посчастливилось с ними познакомиться, и они с упоением рассказывали мне о моем отце все то, что я не успел расспросить его, созваниваясь с ним ежедневно, а то и по нескольку раз в день. Папа, любя своих учеников, продолжал работать, хотя под конец жизни это ему давалось уже довольно тяжело.

В своих разговорах со мной папа часто вспоминал своих уже ушедших друзей: Юлия Шрейдера, с которым было много создано и написано и с которым они встречались с папой Иоанном Павлом Вторым; Мераба Мамардашвили, которого он безумно любил слушать и с которым они обменивались английскими вишневыми трубками.

В 2009 г. ушла моя мама – главная женщина в жизни моего папы, и постепенно он становился все более и более замкнутым. Парадоксально то, что при всей этой замкнутости ему было важно, чтобы ему звонили, чтобы к нему приходили или куда-то приглашали и, главное, чтобы ему подробно рассказывали о своей жизни...

Потом ушел Гия, ушел очень тяжело, а через несколько лет ковид забрал и Стасика. И папа начал потихоньку угасать. Примерно за месяц до смерти папа рассказал, что видел во сне Стасика, который пришел к нему, «как обычно без звонка».

В последнее время папа много шутил о своей смерти, и при всей трагичности ситуации он делал это по-настоящему смешно. Я пытался подыгрывать ему, как бы мне ни было это сложно, и мы «договорились», что он не умрет, пока я не приеду в Москву. Папа сдержал свое слово, все-таки правнук генерал-майора Ивана Мухелишвили, офицера царской армии.

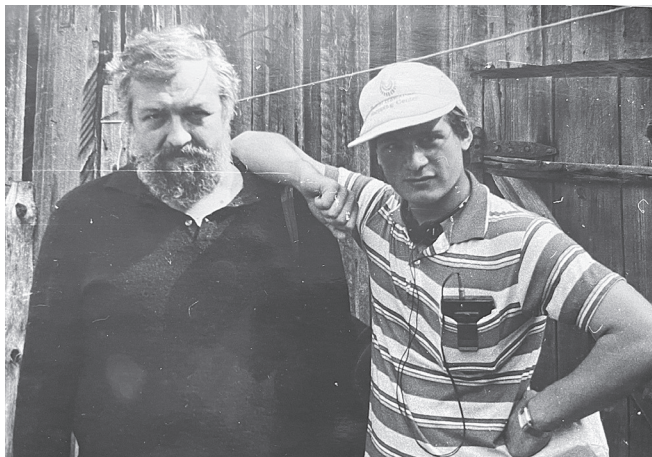


Рис. 1. Н.Л. Мусхелишвили и Г.Н. Мусхелишвили, 1987 г.
Личный архив Г.Н. Мусхелишвили, Монреаль

Я встретил его из больницы 28 ноября 2022 г. За день до этого он настоятельно попросил меня, чтобы со мной в больницу приехал его ученик Дима. Тогда я не увидел в этом ничего необычного и очень ошибся. В машине папа сразу пригласил его в грузинское кафе «Илларион», принадлежавшее ранее папиному младшему брату Мише, моему дяде. Папины поминки прошли спустя четыре дня в кафе «Илларион», и там, конечно же, был Дима, которого папа лично пригласил.

Вечером этого же дня папа попросил своего второго ученика, Мишу, приехать разложить ему лекарства. Мне показалось это довольно странным, потому что я сам мог прекрасно сделать эту нехитрую процедуру. Но я опять ошибся. Потом стало понятно, что папа просто хотел с ним попрощаться.

Теперь все слова, сказанные мне папой когда-то, по тому или иному поводу, приобретают для меня особое символическое значение. И мне есть что вспомнить.

Еще надо поехать в Тбилиси, к Серго. Когда я раньше ездил в Тбилиси, папа говорил мне: «обязательно сходи к памятнику Серго». Я приходил к Серго, и он вез меня к скульптуре, посвященной героям рассказа Нодара Думбадзе, по мотивам которого был снят фильм. «Видишь, говорил мне лучезарный Серго, какие друзья у твоего папы, им при жизни памятники ставят». И мы вновь пойдем с Серго к его «памятнику», а после зайдем к моему дяде, и они будут рассказывать и рассказывать мне о папе, и это будет безумно весело и бесконечно грустно.

Утром 29 ноября, после очень тяжелой бессонной ночи, папа, сидя на кухне, выкурил свои последние две сигареты, как будто снова рассказывая мне две истории из своей жизни. Потом сам, без моей помощи, дошел до комнаты и сел на кровать. Он посмотрел на мамин портрет, который висел напротив, улыбнулся и сказал: «Вот теперь все хорошо, я доволен». Я его поцеловал, папина щека была непривычная, без бороды...

Руджеро Сергеевич Гиляревский

Я встречался с Николаем Львовичем еще в 70-е годы и потом, эти встречи были редкими, главным образом деловыми и опосредованными. Опосредованными человеком, имя которого здесь уже прозвучало, это Юлий Анатольевич Шрейдер. С начала 1960-х и до сих пор я работаю во Всероссийском институте научно-технической информации, который когда-то был просто при Академии наук Институтом научной информации, потом – всесоюзным и так далее. В какой-то момент я сменил Юлия Анатольевича Шрейдера в должности заведующего отделом семиотики. Там работали крупные ученые, впоследствии ставшие известными. И конечно, Шрейдер среди них был звездой. Хотя, может быть, и не очень признанным, поскольку внешне он был очень простым человеком, с не очень запоминающейся внешностью. Но он был вундеркинд. Другой крупный ученый, который недавно ушел от нас, Владимир Андреевич Успенский, в течение многих лет возглавлявший кафедру логики на мехмате Московского университета, кафедру, которую он принял от своего учителя Колмогорова, рассказывал, что они вместе со Шрейдером учились в одной школе для одаренных детей. Ну, по-видимому, математически одаренных. И Успенский был там на два класса моложе. И они каждый раз, при переходе из одного класса в другой, занимали какие-то места в классе, и когда он хотел сесть на какое-то место, ему сказали: «Нет, ты не садись сюда. Да, это место пустое, но на этом месте сидел Шрейдер».

Что касается Юлия Анатольевича, то не ему посвящен сегодняшний вечер. И я не буду о нем рассказывать долго. Из 17 работ Николая Львовича, которые упомянуты в Википедии, 12 написано в соавторстве со Шрейдером. Так что это и научная их связь, и личная. Я думаю, что у них с самого начала была духовная общность. Их религиозные взгляды как-то рождались в общем совместно. Так мне представляется.

Дело в том, что в силу разных обстоятельств, я думаю, в том числе и на волне антисемитизма, что в Советском Союзе происходило в связи с разными обстоятельствами, я сменил Шрейдера

в качестве заведующего, а он продолжал работать в моем отделе. Что, как вы понимаете, в любых обстоятельствах сложно. Но у нас сразу сложились очень доверительные отношения. Вот пример таких доверительных отношений: я, конечно, как всякий человек, попадал в разные трудные положения, и первым, с кем мне захотелось поделиться, был Шрейдер. А он в одной из своих книг по этике, которую мне подарил, написал: «Посмотри страницу 84. Там то, что ты мне сказал. Я, конечно, не называя имен, изложил это как пример этического выбора». Причем такой пример, где непонятно было то, что я сделал, – это было этично или не этично. В зависимости от того, с какой точки зрения на это смотреть. Надо сказать, что потом все-таки я получил партийный выговор за слабую воспитательную работу с коллективом. Юлия Анатольевича исключили из коммунистической партии, и он вынужден был уйти из ВИНТИ.

И вот здесь обнаруживается странная вещь. Я, конечно, перед нынешней встречей посмотрел разные материалы, чтобы восстановить в памяти то, что было. Как-то очень странно: везде указано, где работал после ВИНТИ Шрейдер, где работал Николай Львович, и почему-то нигде не упомянуто такое учреждение, как *Совет по сознанию*. Я так понимаю, что это была академическая организация, которую возглавлял академик, известный физик – Велихов. И как мне в то время и потом казалось, они оба нашли там пристанище. Но как я теперь понимаю, оно было не очень официальное. Потому что при этом они работали в других местах, что отмечено в их биографии. Но один из эпизодов, который мне остро запомнился в связи с Николаем Львовичем, это 70-летие Шрейдера, которое случилось за год до его смерти.

Все дело в том, что аспирантка, бывшая аспирантка, ныне уже тоже умершая – Инна Львовна Полотовская – была профессиональным библиографом, и она составила библиографию Шрейдера, что, как вы понимаете, было непросто, потому что у него более 800 работ было. А я был ее редактором¹, и это печаталось у нас в ВИНТИ. И было так договорено, что я должен был вот эту стопку биобиблиографического указателя Шрейдера принести именно в Совет по сознанию, где и отмечалось его 70-летие. Конечно, как всегда бывает, это издание я получил незадолго до того, как мне надо было идти туда. От ВИНТИ до этого самого места было не так далеко, но никакого прямого транспорта не было. И я сильно опоздал. Тем более что войти туда, в эти бывшие Велиховские владения, было очень непросто, там проверяли

¹ Юлий Анатольевич Шрейдер: Биобиблиографический указатель / сост. И.Л. Полотовская; ред. Р.С. Гиляревский. М., 1997.

без конца. В общем, я сильно опоздал, чего очень не люблю, опоздал почти на полчаса. И группа людей, большей частью мне знакомых, меня ждали. Я очень себя неловко чувствовал, как-то не мог собраться, а надо было. Они ждали меня, чтобы я открыл это мероприятие и руководил им, а я себя ужасно чувствовал. И именно Николай Львович подошел ко мне, положил мне руку на плечо и сказал... Я не помню точно, что он мне сказал, но была какая-то такая теплая человеческая волна. И я взял себя в руки. Это удивительное свойство, далеко не всем присущее, а он этим владел. Николай Львович, конечно, был человеком невероятного человеческого и какого-то духовного обаяния, с всегда приятным русскому человеку грузинским акцентом. Это очень ярко запомнилось на всю жизнь.

После этого, как мне кажется, по крайней мере, мы три десятилетия не пересекались. Я хоть и увлекался библистикой, но я человек нерелигиозный, а они ушли в эту сторону. Я имею в виду Мухелишвили и Шрейдера. И через три десятилетия мне вдруг раздался звонок по телефону, я говорю «алло!», и вдруг знакомым голосом Николай Львович говорит: «Руджеро! Это Кока!» И дальше мы продолжили разговор, как будто расстались неделю назад. Это тоже удивительное свойство. И в значительной степени характеристика нашего взаимного общения.

У него была деловая просьба. Я редактирую некоторый журнал научно-технической информации. И он просто просил опубликовать свою статью². Конечно, как редактор, я все это внимательно прочитал, чтобы понять. Все-таки это журнал научно-технической информации, а статья религиозного характера, но я это опубликовал. И уже незадолго до его смерти он вновь обращался ко мне, и мы это тоже опубликовали. Это заставило меня задуматься. Я посмотрел некоторые из этих работ. И чего греха таить, уже сил так мало, я так быстро устаю, но я все-таки посмотрел. И понял, что то, что делал Шрейдер, и то, что продолжал после его ухода делать Николай Львович – это серьезный шаг в смысле сближения науки и религии. Потому что... Я и до этого, конечно, понимал, что за всю историю человечества именно религиозные догмы как-то аккумулировали знания человека, особенно в отношении выживания человечества и тех этических норм, которые, к сожалению, так быстро сейчас уходят и которые, собственно, и являются основой выживания человечества. Это я понимал и раньше. Я читал и отцов церкви, я интересовался этим. Но в работах Мухелишвили я осознал еще один шаг. Дело все в том, что из трех ипостасей, которыми наука сейчас занимается – это окружающий мир,

² [Мухелишвили, Базлев 2022a; Мухелишвили, Базлев 2022b]



Рис. 2. Выступление Р.С. Гиляревского на круглом столе.
Личный архив М.М. Базлева, Москва

это отношения между людьми, и это человеческое сознание, – на первый план сейчас выходит именно человеческое сознание. Как вы знаете, у нас есть две основные школы – это Анохинская школа в Москве, которую внук Анохина продолжает, и Бехтеревская школа в Петербурге, которую продолжала дочь Бехтерева. Я однажды с ней пересекался, как ни странно, в Кремле на заседании *Совета по бессознательному*. Я очень рад, что я только один раз случайно, вместо своего директора Михайлова был там. Сознанием Кремль не так интересовался, как бессознательным. На том заседании, где я был, они говорили такие ужасные вещи, которые мне потом даже снились некоторое время: насчет вживления электродов в человеческий мозг. А еще на меня произвело впечатление, как подробно там излагалась методология подготовки президента к публичному выступлению: без вживления, но с очень значительной химией. Эти крупные ученые, абсолютно без чувства юмора, говорили: «вот эта метода работает плохо, а вот эта метода работает лучше», приводили даже какие-то примеры. Да...

У Николая Львовича и Юлия Анатольевича была еще одна общая черта – они оба нещадно курили и умерли буквально с сигаретой в зубах.

Дмитрий Леонидович Спивак

Дорогие коллеги, я с большим чувством принял приглашение принять участие в сегодняшнем заседании. Охватить круг ученых занятий дорогого Николая Львовича я не в состоянии, но могу дополнить коротко беглыми замечаниями о трех областях, которые, как мне казалось, будут меньше освещены на сегодняшнем заседании.

Первое из них уже упоминалось дважды, это труды по линии Межведомственного научного совета по проблеме «Сознание» при ГКНТ и Совете Министров. Никакого участия в работе Совета и его школ я не принимал, зато принимал участие мой отец. Он был заведующим кафедрой психиатрии Военно-Медицинской академии в Санкт-Петербурге и в начале 1980-х гг. добился очень значительного продвижения в развитии военной психофармакологии. Работали они вместе с замечательным отечественным фармакологом, академиком Василием Васильевичем Закусовым и целым коллективом единомышленников. В 1980 г. все они получили государственную премию СССР за разработку принципиально нового класса психофармакологических средств и, собственно, основали военную психофармакологию, как отрасль отечественной науки о человеке. И вот когда он думал о перспективах своей науки и писал свою книгу, знаменитые «Психотомиметики»³, которые были потом переведены на несколько языков и читались во всем мире, он всегда сетовал на то, что естественно-научное знание у нас отделено от гуманитарного. И те драгоценные специалисты, которые работают где-то рядом, с ними нет никакой связи – только, может быть, где-нибудь встретившись в гостях, по знакомству. И Николай Львович открыл для него буквально целую размерность обмена знаниями, когда пригласил его на одну из школ Совета, познакомил с коллегами, с религиоведами, с психологами. Леонид Иванович, отец мой, был очень увлечен этим. Дело в том, что он не понимал, что видят и чувствуют люди, которые попадают на глубинные уровни сознания, как правило, не будучи подготовлены к этому, и как мы должны это описывать. Даже языка дескрипции измененных состояний сознания тогда не было.

Причем если для многих психологов это было занимательной областью занятия, в духе Уильяма Джеймса, то для него это было чисто практической задачей. И вот Николай Львович не только сам с ним очень внимательно это обсуждал, но и привлек довольно большой круг специалистов в самых разных областях. Леонид Иванович, разводя руками, говорил, что такой книги, как Библио-

³ [Мильтштейн, Спивак 1971].

графический указатель зарубежных книг по проблеме сознания, он не знает ни в одной научной традиции своего времени. Сейчас они, конечно, уже появились. И издание это, и Совет в огромной степени были плодом трудов Николая Львовича, и он делал их блестяще. Это одна из вершин отечественной науки о сознании. Леонид Иванович в 1989 г. перешел в новооснованный академиком Натальей Петровной Бехтеревой Институт мозга человека РАН, и Наталья Петровна как раз начала с ним говорить, что она очень хотела бы собрать большой междисциплинарный коллектив, от нейрофизиологов и психологов – до религиоведов и востоковедов, для того чтобы понять сознание глубже. Коллективов такого рода в науке того времени практически не было ни у нас, ни за рубежом. Леонид Иванович упомянул имя Николая Львовича, а она сказала: «Я знаю его, через первого мужа, академика Всеволода Ивановича Медведева. Мы давно уже с этим Советом думаем как-то сотрудничать».

Вот таким образом на моих глазах наладилась ткань взаимодействия людей из десятка разных направлений, все очень крупные, серьезные, все совершенно неформально работающие. До чего они дошли, это для меня большая проблема, потому что меня как маленького тогда к этому не привлекали. Я помню только общие воспоминания – например, как отец познакомил Николая Львовича с одним из крупнейших грузинских психиатров, у которого была дача в Сухуми. Они туда заехали после одной школы. На этом участке, большом, довольно гористом, был ручей с несколькими вертикально расположенными запрудами. Он вечером включал подсветку, а форель, которая там жила, хвостиками махала и ходила то наверх по воде, то вниз. И вот оба они, и Николай Львович, и Леонид Иванович, улыбаясь, говорили мне, что наблюдение за этой форелью в полумраке было одним из лучших духовных ощущений, которое каждый из них получил в жизни.

Ближе я познакомился с Николаем Львовичем в начале 2000-х гг., когда я имел отношение к деятельности кафедры ЮНЕСКО по межкультурному и межрелигиозному диалогу, первой тогда в России и одной из немногих в мире. В 2004 г. генеральный директор ЮНЕСКО Коитиро Мацуура провозгласил межрелигиозный диалог флагманским направлением в работе ЮНЕСКО (т. е. филиала ООН, который занимается наукой, культурой и искусством). Николай Львович был избран единогласно профессором этой кафедры и провел в ее составе два срока. Труды его вызывали у нас большой интерес и очень широко обсуждались не только нами, но и коллегами по нашей международной Сети кафедр ЮНЕСКО. В 2006 г., например, при его большом участии вышел русский перевод «Духовных упражнений» св. Игнатия

Лойолы. В 2012 г. на одном из религиозно-философских конгрессов, которые проходили в Петербурге, решено было посвятить особое секционное заседание диалогу в области исторической памяти Польши и России. Соответственно, с польской стороны была подготовлена весьма информативная католическая часть, с российской стороны мы попросили другого профессора нашей кафедры ЮНЕСКО, Сергея Сергеевича Хоружего, разработать православную часть. Ну, а Николай Львович был причастен к обеим и блестяще провел это заседание, а потом дал замечательную статью в коллективную монографию, которая подытожила работу нашей конференции. Таким образом, он очень плодотворно и достойно работал в рамках ЮНЕСКО, а это был один из выходов на международную арену. И он очень достойно представил нашу страну и мировую науку.

Третье направление касается уже меня лично. Когда я занимался языком и речью людей, которые практикуют медитацию или проходят иным образом измененные состояния сознания, я заметил, что при систематическом углублении, включающем прохождение в последовательно сменяющихся друг друга слоев сознания, если нужно на каждом слое говорить, проговаривать, вспоминать одно и то же, то тогда образуется своеобразный текст, где одно и то же говорится сначала при помощи одних грамматических средств, затем других, на третьем слое – при помощи третьих, и так далее. Тогда естественной формой его записи будет таблица, матрица определенной размерности, строки которой составляют состояния сознания, а столбцы – темы или предметы обсуждения. Мы довольно много обсуждали это с профессором Владимиром Семеновичем Спириным, который обнаружил такие матричные тексты в древнекитайской литературе и не очень тогда знал, как провести их интерпретацию. Мы с ним не добились ничего общего, но очень интересно провели время, а Николай Львович буквально впился в эту тему. Он настоял на том, чтобы я принес ему свои работы, посвященные матричным текстам в христианской культуре. Тогда это были только тексты «плетения словес», преимущественно Житие Стефана Пермского. И он мечтал найти их на материале католической культуры. Мы внимательно проработали тексты Игнатия Лойолы, и в некоторых случаях вроде что-то получилось. Мы на эту тему написали несколько статей, которые опубликованы, а у меня осталось воспоминание о том, как мы дорабатывали одну из этих статей, причем на одной стороне телефона в Москве сидели Николай Львович и Юлий Анатольевич Шрейдер, которые ее вместе писали, а я сидел в Петербурге. Они больше говорили, я слушал, но это была одна из таких встреч, которые могут заменить университетский спецкурс. Статья эта вышла под названием

«В поисках общего значения. Сравнительный анализ восточных и западных молитв» в 1996 г.⁴

Вот, таким образом, я назвал три сферы нашего сотрудничества. Что же касается образа Николая Львовича, вспоминаю, как он, когда бывал в Петербурге, с удовольствием заходил в дом на углу Невского проспекта и набережной Мойки. Там на первом этаже расположена знаменитая кондитерская «Вольф и Беранже», в которую заходил еще Пушкин, когда ехал на последнюю дуэль. В старые времена, не сейчас уже, к сожалению, сбоку, сразу же за углом, там же на Мойке, был вход в очень маленькое, буквально в одну дверь, кафе, где хорошо варили кофе. И вот Николай со своей женой Людой с удовольствием туда заходил, мы там назначали встречу. Когда я туда приходил, мы выходили и шли куда-нибудь по делам. Поэтому особенно в такие дни, какие нередко случаются в Петербурге, когда на улице резкий ветер и начинается наводнение, я прохожу мимо дома Вольфа и Беранже, и мне все кажется, что Николай и Люда вот-вот выйдут оттуда, улыбнутся, и начнется еще один разговор... Светлая память дорогому Николаю Львовичу!

Анатолий Валерианович Ахутин

Меня связывала с Николаем Львовичем личная дружба, больше чем научное сотрудничество, потому что я не религиовед и вообще занимаюсь если и философией, то такой отвлеченной, классической. А познакомил меня с Николаем Львовичем Мераб Константинович Мамардашвили, с которым мы тогда работали вместе в Институте истории естествознания и техники. Он знал, что я больше, чем историей науки, хотел бы заниматься философией. И сказал мне, вот есть такой Совет по сознанию, там работает мой друг Николай Мусхелишвили. Иди туда и будешь там заниматься философией какой хочешь. Я, разумеется, туда поспешил, попасть туда было непросто, все-таки Институт им. Курчатова. Короче говоря, я пришел туда, и первое мое знакомство – это их лаборатория. Я не знал о составе этого совета, все это было для меня скрыто. А вот небольшая лаборатория, где он и еще два сотрудника, с которыми я тоже близко познакомился – Саша Киселев и Женя, забыл его фамилию, работали, и то, над чем они работали, меня, конечно, поразило. Хотя я мог туда попасть, но я не стал этого делать, потому что это требовало доступа. А это означало ограничение меня в моей научной жизни. Я не пришел

⁴ [Мусхелишвили, Спивак, Шрейдер 1996].

туда работать, а дружба у нас осталась. А первое уже более-менее содержательное открытие состояло в том, что благодаря им я познакомился с библиографией, с источниками по проблемам сознания. Тема, разумеется, меня интересовала. Кстати, понятно, почему она принципиально междисциплинарная, потому что это – сознание. Оно все: и естественно-научная часть, и физиология, и философия. Это и был такой содержательный стержень, который, помимо нашей личной дружбы, нас связывал. Я просмотрел эту библиографию, у них был доступ куда угодно, и увидел впервые наглядно, просто по статьям многомерность этой темы. Невозможно перечислить не только работы, невозможно перечислить измерения, относительно которых ученые по всему миру занимались этим сознанием.

Следующий очень важный этап в понимании того, чем занимался Николай Мухелишвили, это были конференции по проблеме сознания, которые он устраивал в Грузии – в Тбилиси, в Телави, в Батуми, и на которые он меня приглашал. Я с удовольствием поехал, и вот там я не просто познакомился с библиографией, а познакомился с людьми – живыми, реальными учеными: психологами, лингвистами, философами, которых объединяло только одно – тема сознания. Там были философы – Мераб Константинович, Юлий Анатольевич Шрейдер, кроме того, там был замечательный психолог и лингвист из Эстонии Пеэтер Тульвисте. Каждый доклад, который я там прослушал и насколько я его понял, остался заметным событием буквально до сих пор. У буддолога из Эстонии Линнарта Мялля был замечательный доклад о произношении санскритских слов. С другой стороны, мне запомнился специалист по искусственному интеллекту. Причем все это были специалисты высшего класса. Юрий Михайлович Лотман выступал, Гасан Гусейнов выступал – то есть совершенно разные специалисты высокого класса, и главное, что это было не в академическом плане, но вполне научно. Это были люди, для которых их занятия были частью жизни, было видно, что для них все это не просто научные занятия, а часть прожитого. Тот же специалист по искусственному интеллекту очень точно мне объяснил, в чем дело и какое все это имеет отношение к сознанию. Эти конференции стали для меня событиями.

Не могу не вспомнить о том, как Николай Львович познакомил меня впервые с тем, что такое Грузия. Помню, как однажды мы прилетели с опозданием, с большим опозданием в Тбилиси. Ехали по городу часа в два ночи, все были голодные, а есть было нечего. Вдруг останавливается автобус, Коля уходит куда-то на некоторое время и приходит с мешком лавашей и сулгуни. Это было потрясающе: в два часа ночи где-то как-то можно было добыть для

большого количества людей пропитание. И все остальное, связанное с Грузией, конечно, было для меня открытием.

Дальше я с ним был в тесном контакте, когда он стал ректором Института Фомы Аквинского, и он пригласил меня там преподавать. Я преподавал, это был источник заработка. Там опять-таки благодаря ему я познакомился с отцом Георгием Чистяковым и другими очень интересными людьми. И если говорить о его фигуре, о том, что его отличает особенно, то я не могу ничего другого придумать, кроме слова «опекун». Такой всеобщий собиратель. Говорить «организатор», то это как-то слишком формально, хотя именно он все организовывал, вплоть до питания. Организатор – этого мало, он действительно обо всем заботился, был такой опекун, куратор. Опекун всех многочисленных мероприятий, в которых он участвовал или которые он затевал.

Чем дальше шло время, тем больше между нами оставалась только личная дружба. После того как я ушел из Института Фомы Аквинского, мы встречались уже только у него дома с Сережей Хоружим, с Володи Бибихиным, вплоть до его смерти. В последнее время мы встречались дома у покойного уже Володи Бибихина, 13 декабря в годовщину смерти Володи. И мы приходили с Сережей Хоружим к Ольге Лебедевой и к этим мальчишкам замечательным Володи Бибихина. Сидели там, на этой маленькой кухоньке, вспоминали Володю, разговаривали. Для меня, и это не просто для меня, основное качество Коли – патриарх разного рода собраний. Вот почему его научные труды были в соавторстве, потому что сотрудничество было у него естественным способом жизни и мышления.

И еще я должен, конечно, упомянуть, что он участвовал в создании серии «*Bibliotheca Ignatiana*. Богословие, духовность, наука» в издательстве Института Фомы Аквинского. Там он, после смерти Володи Бибихина, издавал его труды, чем очень помог в трудной жизни его вдове Ольге Евгеньевне Лебедевой. Если бы я стал рассказывать дальше, то это был бы просто рассказ о встречах, об общении. Это был бы уже круглый стол совсем другого рода. А рассказать можно многое. Коля Мухелишвили был замечательный, радушный человек, всегда готовый чем-то чем может помочь. Мне он очень помог, просто материально помог по жизни тем, что нашел место преподавания. Это человек, который никогда не уйдет из моей памяти, потому что он продолжает быть некоторым образом таким опекуном, таким почти нянькой, каким он был. Светлая ему память.

Ольга Владимировна Лашкова

Моя история довольно интересна, потому что, наверное, мы с Николаем Витальевичем Шабуровым единственные, кто остался присутствующим из тех, кто работали в группе Николая Львовича. Мое появление было связано с тем, что я работала библиографом в библиотеке по естественным наукам, практически сразу после окончания института. И в один прекрасный момент появился Николай Львович в нашем отделе и сказал: «Кто хочет поработать над интересным проектом?» А мне всегда было интересно послушать, попробовать что-то новое, и, кроме того, там были многие сложности в дамском коллективе. Я решила, что нужно сменить сферу деятельности, и совершенно не пожалела. Таким образом я оказалась в Институте молекулярной генетики (ИМГ РАН), в группе биофизических проблем, в одной дальней комнате на пятом этаже, на площади Курчатова. Наша работа была связана с поиском библиографического выхода на новые идеи в различных сферах. Идея Николая Львовича, параллельно с работами Юджина Гарфилда в Институте научной информации (The Institute for Scientific Information) в США, состояла в том, что он предложил мне сделать библиографический граф, который бы состоял из ссылок из статей физиков. Первым из них был Генри Стапп и его работа «Парадокс Эйнштейна–Подольского–Розена», с дальнейшим выходом на Дэвида Боме, Вернера Гейзенберга, Эрвина Шредингера и других. Это все было очень интересно делать, и интересные были результаты этого. Мы создавали громадные графы. Тогда же компьютеров не было никаких. То есть они были, но они использовались совершенно для другого. Мы рисовали громадные графы. Я собирала эту библиографическую информацию, то есть все ссылки из всех статей раскладывались, соединялись различного рода линиями, одна показывала положительное цитирование, другая показывала отрицательное цитирование, и таким образом мы создавали свой маленький Web Of Science, который в тот момент еще не существовал в том виде, в каком он существует сейчас. Мы создавали с ним эти громадные простыни. Это была очень интересная идея, и потом она была разыграна в дальнейшем при участии Ирины Маршаковой, Владимира Налимова и Валентины Маркусовой, в общем всех, кто тем или иным образом касался наукометрии в дальнейшем. Но это был наш первый проект.

Затем мы с Евгением Оганяном сделали два больших библиографических указателя⁵, с помощью клея и ножниц, потому как

⁵ Библиографический указатель зарубежных книг, отражающих различные аспекты проблемы сознания / Межведомственный научный совет

компьютеров тогда тоже еще не было. Резать и клеить, что называется, резать и клеить. Это было пять тысяч ссылок в каждом из них. Это был том большого формата, напечатанный довольно маленьким тиражом, но я нашла его в каталоге Ленинской библиотеки. Я могу сказать, что наша работа с Николаем Львовичем и со всеми, кто работал вместе со мной, была очень интересной. Я была самой молодой из всех тех, кто там работал, и я тоже могу сказать, что Николай Львович действительно был опекуном, как указал Толя Ахутин. Он был замечательным руководителем, не всегда сдержанным, но всегда конструктивным. Надо сказать, что всегда с сигаретой и похожий на большого льва. Но такой же добрый, как замечательный лев Бонифаций. Я всех остальных своих шефов мерила по тому, похож ли он на Николая Львовича или нет с точки зрения отношения к людям, идей и всего остального.

Николай Витальевич Шабуров

Я должен сказать, что Николай Львович занимал огромное место в моей жизни. Мы знакомы с 1984 г., и в этой истории можно выделить несколько этапов. С 1984 по 1992 г. я работал в Совете по проблемам сознания под руководством Николая Львовича. Потом я ушел оттуда, и несколько лет мы особенно не виделись, хотя перезванивались. А потом Николай Львович пригласил меня преподавать в Институт святого Фомы. В какой-то момент мы виделись и в Институте, и в РГГУ одновременно, потому что Николай Львович преподавал также психологию религии у нас в Центре изучения религии РГГУ. Это какая-то совершенно невосполнимая потеря. И по тому, что сейчас было сказано, видно, насколько это была крупная личность, насколько она многогранна. На каждом этапе мы видим какие-то совершенно замечательные достижения и плоды, которые и сейчас мы не до конца можем оценить.

Я начну по порядку. 1984 год. До этого я 9 лет работал в очень затхлом месте, мне моя работа страшно не нравилась, но я никак не мог найти ничего получше. И наконец мой друг Гасан Гусейнов мне сказал, что есть такое место и там есть такой замечательный человек – Николай Львович Мусхелишвили. И знаете, я сразу откликнулся на фамилию. Я вообще-то родом из Тбилиси. И Мусхелишвили, я думаю, все знают. Дедушка Николая Львовича, Николай Иванович Мусхелишвили, выдающийся математик, который был в течение многих лет президентом Академии наук Грузии. Но дело

по проблеме «Сознание»; сост. Е.А. Оганян, О.В. Ратманская; под ред. Н.Л. Мусхелишвили. М.: ВИНТИ, 1985. 101 с.

в том, что у него был брат, Александр Иванович. Инженер, который работал вместе с моим дедушкой, и они очень дружили. Я в детстве его хорошо помню. И мне сразу это стало интересно – родственник или не родственник? Но перед тем, как я пришел, был такой досадный эпизод. Я одному человеку, которого я очень уважал, сказал, что иду в такое место. И мне было сказано: «Нет, ты туда не ходи. Это место нехорошее. Оно связано со всякими такими структурами. И вообще, вот не надо, не надо. Там требуется секретность и прочее-прочее». Я был страшно огорчен, потому что мне это все страшно не понравилось, с одной стороны. А с другой стороны, я уже психологически понял, что я не могу оставаться на старой работе, и будь что будет. Самое интересное, что вот какое-то мое решительное изменение отношения к этому связано с эпизодами, которые могут показаться незначительными. Но они каким-то образом на меня повлияли. Вот я прихожу. Николай Львович был молодой, красивый. Вообще надо сказать, что это был человек огромного обаяния. Когда мы познакомились, ему было 39 лет, и он меня повел по всяким инстанциям, в отдел кадров. Там какие-то барышни стали о чем-то пересмеиваться, а он и говорит: «Можно от вас позвонить?» Мобильников-то тогда не было. И он звонит какому-то знакомому по делам, связанным с работой, и вдруг произносит такую фразу: «Нет, “Страх и трепет” это у тебя. А у меня “Наслаждение и долг”». И они начинают хохотать. А меня это как-то торкнуло – ведь это название трудов Кьеркегора.

И вот я прихожу в свой первый рабочий день. Николай Львович так объяснял, как найти это здание: «Вот на главный вход смотрит левое ухо Курчатова». Действительно все так и было. Две комнаты, запирающиеся на кодовый замок. Так просто к нам зайти было нельзя, – все-таки секретность-секретность. И у Николая Львовича был первый вопрос: «Вы Плотина читали?» И он мне сказал, чем надо заниматься: надо было сравнивать Афанасия Александрийского и Кьеркегора. Потрясение мое было совершенно. И после этого он сказал: «Вот Вы небольшой рефератик напишите. Только я Вам сразу хочу сказать, знаете, вот без этой марксистской...» Я не могу в этом здании произнести данное существительное. Но я напому, что это был еще 1984 г. Это была не перестройка, это было при Черненко. И мы стали работать.

Да, это было серьезное учреждение. Сам по себе Совет существовал на общественных началах. Туда входили всякие серьезные люди – директора институтов, президентом был известный академик Велихов и так далее. Николай Львович был ученым секретарем Совета. А то, куда я, собственно, пришел работать – это был аппарат, который обеспечивал работу Совета. Но он был оформлен как Лаборатория биофизических проблем Института молекуляр-

ной генетики. Потом через несколько лет мы всей лабораторией перешли в другой институт – Институт проблем передачи информации. Длинное название, и всегда, когда я называл его, пропускал слово «проблем», а Николай Львович мне сказал: «Передачу информацию шпионы. А мы, значит, занимаемся проблемами передачи информации». Да, у меня была мысль, что в самом деле, как говорил Руджеро Сергеевич, может быть, там занимаются тем, как какие-то чипы вживлять. Но убедился, что нет. Все-таки основная задача была несколько обратная. Это была психологическая устойчивость операторов во всяких серьезных делах. В том числе операторов, которые занимаются запуском ракет, так как у них страшные психологические перегрузки. Но при этом мы занимались Афанасием Александрийским, Платином, Кьеркегором и всякими такими вещами. Это тоже удивительно, Николай Львович каждый месяц писал отчеты, это все посылалось, и мы получали финансирование. Это была определенная игра, но играл в нее Николай Львович абсолютно виртуозно. Один раз он сказал: «Тут придет человек из серьезной организации, вы там языки придержите». Вот приходит этот человек, и они говорят в его кабинете. Потом они выходят, и я понимаю, что у важного гостя есть какие-то претензии по отчету. Он говорит: «Ну вот что это? Это что, как-то укрепляет обороноспособность?» Николай Львович говорит: «Да, конечно» – «А как, почему?» – «А ты Бахтина читал?» – «Нет». – «Ну вот прочти и тогда приходи. Может быть, что-то поймешь». Самое интересное, что тот кивнул головой: «Да-да, ну как же я сюда пришел, не прочитав Бахтина». Вот...

Николай Львович все время проводил такую мысль, что на самом деле Афанасий Александрийский и Кьеркегор – это какие-то очень близкие фигуры, почти одно и то же. Все во мне возмущалось, потому что я историк. Там совершенно другой контекст, просто все другое. Поэтому я понял его не сразу. А Николай Львович не был историком. Кем он только не был: он занимался сознанием, он был причастен философии, и просто это был немножко другой уровень рассмотрения. Можно его называть экзистенциальным, можно каким-то иным образом – это тот уровень, когда всякие моменты обусловленности культурой просто выносятся за скобки. И это было совершенно замечательно.

Я коснусь еще одного момента. Руджеро Сергеевич и другие уже обратили внимание, что значительная часть работ Николая Львовича написана в соавторстве. И возникает вопрос: собственно говоря, почему? Знаете, это был человек необычайной одаренности. Но он был гораздо мощнее в устной речи, чем в письменной. Я не буду называть имя одного из величайших людей человечества, который свои работы диктовал, потому что у него была такая, если

угодно, «быстрая мысль». И у Николая Львовича тоже. Меня не удивляет, что сказал Константин Михайлович об отличии по смыслу поздних работ Николая Львовича от ранних. Да, он менялся. Но тогда, когда у него была какая-то блистательная мысль, он говорил: «Ну, запишите, запишите». Я уходил, что-то такое осмыслял, записывал, приносил. Он это просматривал, половину перечеркивал. Первые работы, которые мы делали вдвоем, потом была работа втроем – Николай Львович, Юлий Анатольевич и я, потом они уже работали вместе с Юлием Анатольевичем. Если говорить о нашем сотрудничестве, скажем так – мысли были Николая Львовича, мое было только словесное оформление. И эти мысли совершенно потрясали, поражали.

Блистательные конференции – «Школа по проблемам сознания»! Толя Ахутин говорил об этом. Я поступил в мае 1984 г., и в октябре была эта конференция в Телави, первая, на которой я был. И это, конечно, было совершенно удивительно по подбору людей. Вот это очень хорошо умел делать Николай Львович. Это один момент, а другой уже личный. Я несколько месяцев никак не мог притереться и в общем-то не очень понимал, что от меня нужно. Вообще у меня были всякие комплексы. И где-то за неделю-две до этой конференции, он мне говорит: «Вы ведь сейчас занимаетесь в аспирантуре гностиками, вот сделайте доклад про гностиков». Я говорю: «Николай Львович, это же совсем не по теме!» – «Сделайте, сделайте». И я сделал этот доклад, который как-то неожиданно заинтересовал участников конференции. И это был какой-то огромный, раскрепощающий момент.

Еще отвлекусь. Он, конечно, был удивителен как начальник. Он на своей машине подвозил меня домой. Нам немножко по пути было, но вообще я никогда не видел таких начальников. И потом в Фоме, он также преподавателей развозил, и это было абсолютно естественно.

Так вот, вернемся к первой конференции. Там были такие блистательные люди, как уже упоминавшийся Мераб Мамардашвили. При этом там присутствовали люди из всяких разных структур. Его доклад был совершенно свободный, и в 84-м году звучал абсолютно крамольно. Я еще одно назову имя, у нас, может быть, менее известное – это замечательный немецко-грузинский философ Гиви Маргвелашвили, который сделал доклад о Хайдеггере. Еще был Анатолий Ахутин и Линнарт Мьяль – эстонский буддолог. Это очень значимая фигура не только в буддологии, но и в эстонской культуре. Он был переводчиком многих и индийских, и китайских текстов на эстонский язык. И там было прямо-таки пиршество интеллектуальное. Я очень ясно запомнил момент, когда Мьяль сделал доклад о буддизме, и Ахутин, совершенно пораженный



Рис. 3. Выступление Н.В. Шабурова на круглом столе.
Личный архив М.М. Базлева, Москва

этим докладом, сказал: «Вот я сейчас понял, что такое буддизм. Это как если бы ученики Сократа не пошли бы по тому пути, как Платон, в рассуждении о сущем, в построении метафизики, а сосредоточились бы на одном – на анализе сознания Сократа».

Еще был Пеэтер Тульвисте, психолог. И наш замечательный Владимир Петрович Зинченко, он во многом был душа этих конференций. Был Сергей Сергеевич Хоружий, была Наталья Кузнецова. Владимир Малявин, китаист, он сейчас профессор в Институте изучения Европы Тамканского университета на Тайване. Был Юлий Шрейдер. И конечно, был Владимир Калининченко, философ, ученик Мераба Мамардашвили, к сожалению, рано умерший. И я помню такой эпизод – он довольно поздно защитил кандидатскую, и на банкете после защиты Володю, уже немножко выпившего, кто-то спрашивает: «Вот ты в каком-то Совете по проблеме сознания работаешь. Что это такое?». А он говорит: «Это потрясающее место! Там Хайдеггера читают». Был Юрий Михайлович Лотман, Вячеслав Всеволодович Иванов, Марианна Казимировна Трофимова. И все это вместе, в таком едином контексте.

Я все-таки скажу два слова о более поздних этапах. Николай Львович превратил Институт святого Фомы в замечательное учебное заведение, по самым высоким академическим стандартам. Но, к сожалению, это все было разрушено. И это его очень большой удар для него был.

Мы, в нашем Центре изучения религии, никогда не забудем его вклад. Его блистательные лекции и семинары по психологии религии.

Вы знаете, все эти последние годы я ощущал некоторый дискомфорт, вызванный тем, что Николай Львович работает под моим началом. Я всегда смотрел на него снизу вверх. Но у меня еще и такое, знаете, кавказское отношение. Сейчас-то понятно, что он был не настолько меня старше, всего на 8 лет. Но тогда мне казалось, что это значимо. Вот при том, что там некоторые мои сверстники, друзья, как вот уже упоминавшийся Георгий Чистяков, достаточно быстро с ним перешли на «ты». Он в целом достаточно легко переходил на «ты». Мы же до конца были на «вы». Причем я называл его Николай Львович, а он меня называл Коля. Это была иерархия, которая была удобна для нас обоих.

Это был замечательный человек и замечательный ученый, и да, опекун. Было еще какое-то слово, но не «организатор». Организатор для него слишком бюрократизированное, а он был абсолютно неформальный человек. А его любимое обращение – «деточка»...

Гасан Чингизович Гусейнов

Коля Мухелишвили мало писал, и опубликованные им работы даже в малой степени не отражают громадности и исключительности его личности. Для будущего историка, опирающегося на прочный фундамент документа, это будет проблемой. Недавно я прочитал работу, в которой было сказано, что в АН СССР «даже собирались создать совет по проблемам сознания» под председательством академика Е. Велихова. Оказалось, что ничего не было, не было осенних и зимних школ с участием М.К. Мамардашвили и Ю.М. Лотмана, Ю.А. Шрейдера и В.С. Гурфинкеля, В.П. Зинченко и Д.Л. Спивака, Н.В. Шабурова и В.С. Шевякова, Е.Б. Рашковского и Е.А. Либермана. Но все это было, и душой (ученым секретарем) совета по сознанию был Коля Мухелишвили. Мы познакомились в середине 1970-х по счастливой случайности. Детдомовская подруга моей мамы Маргарита Васильевна Дементьева была, как тогда еще не говорили, менеджером, помогавшим Коле в создании этого самого совета. Тогдашние верховные советские власти разрывались между двумя мечтаниями, которые и решили через военное и академическое начальство утолить. Первое мечтание было вывести новую породу воинов, которые в чрезвычайных условиях должны были бы сохранить боеспособность и, главное, управляемость. Сознание на грани коллапса, но все остальное как бы работает. Такие воины нужны были в высокогорье, в случае непредвиденных последствий атомного удара и т. д. Отсюда – интерес к измененным состояниям сознания, в том числе, однако, и к религиозному опыту.

Перефразируя Ромена Роллана, предметом изучения должен был стать и человек с проснувшимся «океаническим чувством».

В этой точке находились и академическая составляющая, и академические мечтания. Совету нужны были физиологи, психологи, философы, занимавшиеся изучением памяти и эвристикой в разных областях знания. Совет по сознанию должен был противостоять другой популярной на верхотуре власти тенденции – мистико-экстрасенсуальной. О ней я немного знал, общаясь два раза в год по случайному бытовому поводу с А.Г. Спиркиным, вокруг которого роились хилеры и экстрасенсы. Говорят, он отбирал их для пользования членов Политбюро. Так вот Совет по сознанию академики-естественники создавали, чтобы хоть немного развеять туман оккультизма вокруг диаматчиков и атеистов позднесоветского разлива.

Рита Дементьева рассказала Коле о моих занятиях и интересах, и мы встретились в комнатке на Воробьевых горах, а потом, уже в начале 1980-х, эти встречи продолжились в Институте молекулярной генетики – какими-то странными, иногда просто анекдотическими путями Совет по сознанию существовал в позднесоветском мире, обеспечивая встречи удивительных людей.

Когда мне стало ясно, что Коля Мухелишвили – необыкновенный человек? Случилось ли это в тот вечер, когда он познакомил меня с Юлием Анатольевичем Шрейдером, или, скорее, немногими годами позже, когда уже я познакомил их обоих с моим близким другом Николаем Витальевичем Шабуровым? Сейчас трудно сказать, но из этой дружбы и сотрудничества возникли их общие работы, читая которые сегодня можно было бы реконструировать атмосферу, созданную Мухелишвили, – атмосферу идеального диалога, в котором каждый немного уступает другому. Ни в одном другом известном мне сообществе я не испытывал чувства антидоминирования даже самых доминантных академических особ, как Ю.М. Лотман или Вяч.Вс. Иванов. Стихией Мухелишвили было создание пространства, в котором мог бы состояться такой уступчиво-пространный разговор, разговор-освобождение.

Здесь я должен рассказать немного о Рите Дементьевой. В 1957 г., на «Фестивале молодежи и студентов» в Москве, она познакомилась с саксофонистом из Австралии. Его звали Джерри. Это была любовь на всю жизнь. И тут же общий запрет, ей – на выезд из, ему – на въезд в СССР. Как в «Варшавской мелодии» Леонида Зорина, но без встречи в конце. Буквально задохнувшись от несвободы людям хотелось свободы в общении, в разговоре. Поэтому Рита боготворила Колю Мухелишвили. Мой отец и Коля Шабуров, Коля Мухелишвили и Мераб Мамардашвили, Лев Эджуков и Женя Оганян, да и многие другие, о ком я еще

надеюсь рассказать в дальнейшем, оказывались в общем кавказском подпространстве, невидимом для других людей. Я бы даже сказал, в пространстве не вообще Кавказа, а некоего идеального Тбилиси. Когда мой отец Чингиз писал роман о Мирзе Фатали Ахундове, тбилисском русском императорском чиновнике тюркского происхождения, мне стала яснее линия, связывающая обоих моих друзей, выходцев из старинных семейств – армянской и грузинской, уходящих корнями к той только-только возникавшей демократической Грузии, которую захватила XI Красная армия в 1921 г. Ведь все это было – на тот момент – всего 50–60 лет назад! Я застал еще людей, выпускников юнкерской школы в Грузии, которые в 1921 г. бежали на британском пароходе из Батума на Запад.

К чему я все это рассказываю? К тому, что за философским разговором часто невидимо и неслышно присутствовало никак не проявлявшее себя тогда еще политическое измерение. Картинка застыла со смертью Мамардашвили, которая оглушила Колю в ноябре 1990 г. Потом 2008 год нанес новую травму этому невидимому сообществу. Могут спросить, в чем была плодотворность этого сообщества? Не в том же только, в самом деле, чтобы обсуждать междисциплинарные научные сюжеты за хлебосольным столом, а не в серьезной аудитории. В конце концов пиры Балтасара устраивали и Сталин с Берия, правда? Нет, тут дело было не в застолье, а в осязаемом присутствии казавшейся совершенно недостижимой политической свободы. В личных и микрогрупповых религиозно-философских диалогах было то, отсутствие чего так угнетало в обычном академическом общении, – глубокое взаимное доверие, важнейший залог и политической свободы.

Двадцать лет спустя, уже в Москве нулевых и десятых годов, мы встречались иногда в кафе «Илларион», чаще – на Косыгина, реже – на Пятницкой. И там общались с Алексеем Юдиным и Андреем Шишкиным – душеприказчиком Дмитрия Вячеславовича Иванова, хранителя и издателя Вяч.Ив. Иванова. Всюду, где в центре разговора оказывался Мусх, ты пил воздух и вино взаимного доверия. Самое редкое вино Москвы конца XX и начала XXI в. Тот же вкус был у этого вина в 1990-х – начале нулевых в Берлине с Гиви Маргвелашвили (1927–2020).

На каком уровне человеческого естества обретается субстанция доверия? Никогда не забуду, как на школе Совета по сознанию в Тбилиси Виктор Семенович Гурфинкель (1922–2020), один из создателей советского лунохода, делал доклад об устройстве одной-единственной нитки мышечного волокна. В моей памяти осталось вот что. У этого волоконца, еле видимого в микроскоп, нет, оказывается, времени, чтобы ждать ответа от ЦНС, и приходится



Рис. 4. Н.Л. Мухелишвили и О.И. Генисаретский, 2014.
Личный архив А.В. Юдина, Москва

действовать на свой страх и риск, как бы имитируя работу сознания. А в чем эта работа состоит? В том, чтобы прикинуть, например, сможет владелец моего тела поднять вот этот камень? Не слишком ли камень тяжел? Как не надорваться, если окажется непомерно тяжел, как не упасть, если будет неожиданно легок. Пока глаза сносятся с центральной нервной системой, ты поднимаешь камень, а волокна должны мгновенно решить, легче тот или тяжелее, чем ты оценил первоначально. И это только один пример сложности простейшего устройства и – взаимного доверия волокон.

Как это происходило в реальности, я не знаю. Но религиозность в простейшем смысле слова здесь всегда была видна мне, агностiku, без дополнительного инструментария. Опыт беспредпосылочного доверия, который ты делил с людьми, находившимися, как и ты сам, в поле притяжения Николая Мухелишвили, продолжает поддерживать тебя на невидимой сети и после смерти тех, кто был включен в этот контур, и тех, кто относится к угасающему меньшинству еще живых.

Коля умер, когда я был уже больше двух лет далеко от Москвы. За несколько месяцев до Коли, в апреле 2022 г., мир этот покинул Олег Игоревич Генисаретский, старый друг. На снимке – их двойной портрет, сделанный в самом начале 2014 г., во время учредительного собрания «Премии А.М. Пятигорского». Тогда казалось, что дружеские сети, по которым бежит ток взаимного доверия, удержат не только память умершего Пятигорского (1929–2009), но и социальную среду, сотканную благодаря Коле Мухелишвили и его

друзьям. Сейчас так уже совсем не кажется. Но, может быть, это – ошибка? Разве не спасала наши души в самые густопсовые позднесоветские годы сеть взаимного доверия, любви и бескорыстного поиска истины?

Борис Сергеевич Братусь

Я внимательно, с удовольствием и с радостью слушаю воспоминания и соображения о Николае Львовиче и о его деятельности. И чем больше я слушаю, тем больше я понимаю, что, действительно, когда уходит значимая фигура, то с разных сторон разные люди, разные специалисты в конечном итоге видят эту фигуру достаточно однозначно. Из таких кусочков, из фрагментов она становится ясно видна, что является как бы иллюстрацией обратной перспективы. Чем больше эта перспектива обратна, тем в большей степени она становится яркой и значимой.

Николая Львовича я достаточно давно знаю, это десятилетия, и прежде всего я вспоминаю его красивым человеком: красивый, яркий представитель грузинской интеллигенции. И в нем было даже что-то такое, что, если его переодеть, он был бы таким средневековым, вернее, даже не средневековым, а человеком Возрождения. И, конечно же, как и другие, я бы хотел отметить его поразительное личное обаяние. Причем оно не показное, а обаяние внутреннего человека. Ему действительно было трудно отказать. И эта трудность отказа касалась одновременно дела. Вот то, что я тоже могу подтвердить, одновременно с Анатолием Ахутиным в те времена я преподавал в Колледже святого Фомы. Это было важно, и это было хорошо, потому что преподавание такого высокого класса. И это все было сделано им, Николаем Львовичем, потому что он приглашал по своим личным каналам. И эти личные каналы совпадали с уровнем преподавания, уровнем тех людей, которые там преподавали. У него было прекрасное даже не чутье, а как бы он пребывал в этом состоянии. Он не просто служил культуре или что-то в этом роде, он был в ней, это был его дом, это были его друзья, его родственники и так далее. И поэтому мне кажется, что он совершал некое действие, абсолютно необходимое для жизни науки. Потому что наука – это не просто передача знаний и тем более информации, хотя он работал и в этом поле. Это прежде всего, так сказать, рукополагаемая вещь: то есть один человек должен знать другого, один должен передавать что-то другому. Они должны как-то спорить, ссориться, приятельствовать, выпивать, курить и так далее, и так далее. Это и есть бытие науки, и он был в этом бытии. Секрет того, что он в основном писал совместно с кем-

то, в соавторстве, этот секрет был связан с тем, что для него было важно общение. Общение, так сказать. Не исключая того, когда он, например, волновался, размахивал руками в частности, что-то показывал, его нельзя было связать в этом плане. Он действовал всем, своими руками, своим контактом, он обнимал человека и так далее. Общение было его бытием, не средством, а вообще как бы бытием. Повторяю, очень важно, что это бытие совпадало с наукой, оно совпадало с мыслью, оно не было просто приятным времяпрепровождением, оно всегда было для чего-то. Это касалось и Совета по сознанию, я тоже там участвовал, был в Тбилиси. Я тоже помню этот эпизод, видимо, может быть, это было в другое время, чем говорил Анатолий Ахутин, эпизод с ночным добыванием хлеба. Помню, что он ночью куда-то поехал, видимо, это была пекарня, они поехали с Велиховым и принесли этот теплый хлеб, лаваш грузинский. Это действительно была не организация, а такое – очень хорошее слово нам подарено – опекунство. И второе слово тоже хорошее слово – это собирать, вернее, можно подобрать такое менее ловкое слово – опосредовать. Он соединял связи, он опосредствовал различного рода связям и их, так сказать, составлял. Достаточно взять круг тех людей, которых он соединял, посредствовал, и мы видим их класс и уровень их значимости: Велихов, Зинченко, Мамардашвили и так далее. Это те люди, которых он соединял между собой и с нами соединял их непосредственно. Это значение, мне кажется, очень важное.

Отдельно я бы хотел сказать о направлении христианской психологии в ее таком современном исполнении начиная с 90-х годов. Наша работа с Мухелишвили была очень важная, потому что мы попытались на факультете психологии, ни больше ни меньше, сделали такую специализацию, назвалась она психологией религии. И в этой официальной специализации было заменено ряд предметов. Предметы шли по расписанию, а мы их заменяли. мы делали свои предметы. Там преподавали Федор Василюк, Тамара Флоренская, тот же Николай Львович преподавал, Шрейдер. Была замечательная компания, и все это делалось на энтузиазме. Какие-то деньги были нужны в то время, а время это было трудное. И Коля нашел эти деньги там, я уж не знаю, через каких-то католиков, это были совсем небольшие деньги. Но тем не менее это было очень важно, это было значимым, поскольку мы сделали, если я не ошибаюсь, сделали 2000 часов. Это был мощнейший вклад. Из этой специализации вышел Георгий Мухелишвили, который тогда был совсем юным. Я подозреваю, что отчасти помощь этой специализации была сделана, потому что там был Георгий, а Николай Львович был замечательным отцом, очень опекающим. Если Георгий сейчас человек самостоятельный, известный, живет за границей – это

заслуга Николая Львовича. Со своей стороны, я бы хотел сказать, что он, так сказать, вложил свою лепту, и в отличие от лепты вдовы его лепта достаточно весомая, и в материальном смысле тоже, в развитии христианской психологии в России.

Ну и, конечно, вспоминать Николая Львовича очень тепло, он ко всем действительно хорошо относился. Я помню воспоминания одного протоиерея об о. Иоанне (Крестьянкине). И вот этот священник говорит, что ему казалось, что отец Иоанн его любит как-то особенно, любит его больше всех. И вот Николай Львович обладал этим удивительным качеством высокого класса. Он всех любил больше всех. Я думаю, что у многих людей, которые сегодня выступали и которые, может быть, не смогли выступить, у них осталось такое впечатление, что Мухелишвили ко всем хорошо относится, но к ним как-то еще лучше. У него была такая широкая душа. Искренне он действительно мог злиться, говорить не только умные вещи, но и ерунду порой, но это было очень искренне, искренне от души. Царствие ему Небесное. Спасибо организаторам этого круглого стола, которые дали возможность собрать этот образ и представить его как нам самим, так и человечеству, и Богу.

Иван Юркович

Впервые я приехал в Москву в 1992 г. и провел там четыре года, а затем вернулся еще на 5 лет в 2011 г.

За эти два срока у меня появилось множество знакомых, однако между первым и вторым периодом ушли многие из тех людей, потеря которых стала для меня большой личной утратой. Практически из числа «старых» друзей, обретенных мною в определенных кругах, оставался один Николай Львович, так что я могу сказать, что его дружба сопровождала меня на протяжении всех лет моего служения в Москве.

Этими короткими словами мне просто хочется выразить благодарность за его внимание ко мне и за интерес, который он проявлял к моей персоне, к моей любознательности, к моим размышлениям и соображениям. Я также выражаю соболезнования всем членам его семьи, с которыми мне довелось познакомиться при различных обстоятельствах.

Я помню нашу первую встречу в 1993 г. Тогда еще молодой, он пришел вместе с профессором Юлием Анатольевичем Шрейдером. Именно эти двое помогли мне лучше всего понять тот трудный период начала 1990-х, оценить интеллектуальное богатство столицы, а также сильнее прочувствовать атмосферу религиозного пробуждения того времени. В частности, мне запомнились беседы

об отце Мене, о Варламе Шаламове, символе страданий прошлого, но также и о многих других видных деятелях того периода. Лишь позже я смог осознать собственный вклад этих людей в религиозное возрождение, оценить по достоинству их готовность к возобновлению диалога с другими культурными средами, с другими религиозными проявлениями и с остальным миром. Оба также были связаны с математикой и в подробностях знали жизнь великих деятелей советской науки XX в., интриговавших меня еще с тех пор, как я изучал химию.

На меня произвела впечатление очень тесная дружба этих двух личностей, внешне таких разных, но внутренне связанных одинаковой интеллектуальной любознательностью, глубокой человеческой порядочностью и открытостью к фундаментальным вопросам человеческого существования. Оба остались в моей памяти как два друга – жизнерадостных, отзывчивых, стремящихся завести новые знакомства и открытых для вызовов начинавшегося тогда нового времени.

Мои познания о России и Советском Союзе в то время были очень ограниченными, и, к сожалению, я не смог проникнуться всей глубиной наших бесед. Впоследствии мне удалось понять гораздо больше благодаря сотрудничеству с незабвенным Андреем Николаевичем Ковалем, который помог мне узнать не только о переменах в российском обществе, но и открыл передо мной новые горизонты русской литературы, а благодаря своим необыкновенным лингвистическим знаниям – и всей современной литературе.

Сейчас, взирая с некоторой ностальгией на прошлое, мне кажется, что те 10 лет, что я провел в Москве с поистине молодым задором и радостью, возможно, были отмечены определенными иллюзиями и нехваткой реализма.

Но в целом я предпочитаю, чтобы мои воспоминания о тех временах и о Николае Львовиче сохранились такими, какие они есть, полными оптимизма и видения мира, освещенного Светом веры, *Lumen fidei*, которая остается единственной опорой в понимании своей судьбы и истории человечества.

Вечная память!

Иван Владимирович Лупандин

Буду краток. Я был знаком и дружил с Юлием Анатольевичем Шрейдером, с которым я познакомился в 1979 г. Он ведь был доминиканский терциарий, и я тоже им был. Это покажется игрой, но Шрейдер носил имя Фомы, в честь Фомы Аквинского. А я носил имя Викентия, в честь Викентия Феррера. Потом еще

к нам присоединилась Наталья Леонидовна Трауберг, и у нее было имя Иоанна д'Аза. Хуана Гарсес, это мать святого Доминика, как я понял. Но общаясь со Шрейдером, я ничего не слышал от него никогда о Николае Львовиче. Это так странно, потому что теперь я понимаю, что они были большие друзья. И более того, после смерти Юлия Анатольевича Мухелишвили стал распорядителем его архива. Но прежде чем сказать о том, как мы познакомились с Николаем Львовичем, я вспомню еще два момента, которые будут важны. В 1991 г. был организован Колледж католической теологии святого Фомы Аквинского, с которым потом Николай Львович будет очень тесно связан. Но тогда он еще не был в числе организаторов. Организатором был священник из Польши, отец Тадеуш Пикус. Потом отец Тадеуш уехал в Польшу, стал там епископом и уже умер. На его место пришел харизматический священник из Италии, дон Бернардо Антонини. Также в Россию прислали Ивана Юрковича, ныне архиепископа, а тогда священника из Словении. Мы же установили дипломатические отношения с Ватиканом, и первым послом Ватикана был Франческо Коласунно, архиепископ, а его секретарем был отец Иван Юркович. Вместе с Юлием Анатольевичем Шрейдером – это были первые профессора колледжа. Я тоже там преподавал, но мне сейчас важен другой священник – отец Станислав Опеля.

На пути сюда я специально вышел из метро «Цветной бульвар», чтобы пройти мимо того здания, где диакон Антонио Санти собирал на какой-то своей фирме, здесь на Садовом кольце, преподавателей колледжа. На одну из таких встреч пришел очень серьезный человек, в синей рубашке, с таким видом, как персонаж Тихонова из «Семнадцати мгновений весны» – отец Станислав Опеля. Это был 1992 год. Потом он и другие его собраты взяли колледж под свою опеку, после того как дон Бернардо возглавил католическую семинарию и уже не мог разрываться между Петербургом и Москвой. И вот тогда пришел Николай Львович. Но сейчас я вспомню о другом эпизоде.

В 1993 г. мне звонит Юлий Анатольевич Шрейдер и говорит, что есть такая идея: организовать отделение «Наука и теология» в какой-то новообразованной Академии естественных наук. Я слушался Юлия Анатольевича, он мой старший товарищ. Я пришел на это собрание, на котором впервые увидел Николая Львовича Мухелишвили. Анатолий Валерианович Ахутин был там среди организаторов этого отделения, присутствовали также Сергей Сергеевич Хоружий, Юлий Анатольевич Шрейдер, отец Георгий Чистяков и Борис Сергеевич Братусь. Может быть, я кого-то забыл, прошу прощения. Я не знал, что это такое и зачем это нужно, но это было одно из собраний нашего отделения, на котором я при-

существовал. Было это осенью 1993 г., и как раз тогда выступал отец Станислав Опеля, тот самый человек, которого я впервые увидел в 1992-м на Цветном бульваре. Интересным образом он говорил о смысле жизни. Это так меня удивило, потому что мне казалось, что это такой «дипломат» по ассоциации с Тихоновым из «Семнадцати мгновений весны». Но как-то Тихонова представить себе рассуждающим о смысле жизни очень трудно. Тем не менее это было интересно, и чувствовалось, что отец Станислав увлечен этой темой. Может быть, это было его личным обращением к Богу или его призванием к Ордену иезуитов и к священству. После того как кончился доклад, начались вопросы. Тогда я, наверное, был активнее, чем сейчас, и я задал вопрос, скорее даже реплику. Я сказал, что вообще вопрос о смысле жизни существовал не всегда. Наверное, он возник в Европе в XVI в., когда Европа разделилась на католиков и протестантов. А в средневековой Европе, у Фомы Аквинского мы его не найдем. У Фомы в «Сумме теологии» нет вопроса о смысле жизни, потому что, если вводится понятие Бога, оно вводится практически аксиоматически. Хотя Фома Аквинский и придумал пять доказательств, но это, как говорил Аверинцев, – показательства, а не доказательства. То есть, в принципе, это уже аксиома. Ну а раз есть Бог, то и вопрос о смысле жизни – одно из следствий доказанной теоремы. Конечно, лучше всего это показано у Льва Толстого в «Исповеди»: это вопрос о смысле жизни, о ее бессмысленности. Но это уже XIX в. Может быть, для того чтобы заострить полемику, я привел два примера. Когда Моисей выводил евреев из Египта, что, кто-нибудь задавал вопрос о смысле жизни? Вы выходите, а я останусь? Это было движение всего народа. И я привел в пример Куликовскую битву. Те, кто вышел на Куликовскую битву, под знамена Дмитрия Донского, задавали ли они себе вопросы о смысле жизни? И вот после моей реплики выступил Анатолий Валерианович Ахутин и сказал: «Иван Владимирович, Ваня, очень опасную тему Вы поднимаете». На этом все закончилось, весь этот РАЕН, больше я не участвовал в этом. Потом, я помню, уже на страницах газеты «Радонеж» я увидел полемику Валентина Арсентьевича Никитина, который тоже стал потом членом этого отделения, и диакона Андрея Кураева*. И диакон Андрей Кураев* довольно резко сказал, что нечего прикрываться всякими должностями в липовых академиях. Вот, собственно, и все.

И финал. Мне звонит Николай Львович и говорит: «Ваня, мы выходим из академии. Потому что приняли Грабового. Ты, надеюсь, не возражаешь?» Я говорю: «Конечно. Как вы меня приняли, так и уходим».

* Внесен Министерством юстиции РФ в реестр «иностранных агентов».

О. Стефано Каприо

Я могу только присоединиться к воспоминаниям Ивана Владимировича, потому что нас очень многое связывало и о многом он уже рассказал. Хочу подтвердить, что личность Николая Львовича была мне действительно по-человечески близка – нежная и во многом щедрая. Иван Владимирович уже вспоминал о нашем общем деле, о Колледже святого Фомы Аквинского, о том, как это все зародилось. В 1991 г. я был одним из его основателей и этим горжусь, хотя гордиться тут нечем, поскольку проблема заключалась в том, что не было других основателей. Был отец Тадеуш Пикус, он был капелланом польских рабочих в СССР, а я был капелланом Посольства Италии. Могу вам рассказать маленький анекдот. Когда владыку Тадеуша Кондрусевича назначили католическим архиепископом в Москве, то его торжественное вступление в должность, которое должно было совершаться в храме Святого Людовика в Москве, организовали, естественно, не без участия отца Пикуса. Владыка Кондрусевич, который сам был из Гродно и отчасти поляк, жил тогда у отца Пикуса. И надо было доехать из квартиры отца Пикуса на Варшавском шоссе до церкви Святого Людовика, и отец Пикус организовал эту поездку с владыкой Тадеушем Кондрусевичем на машине посла Польши в Москве со всеми польскими флагами. Кондрусевич позвонил мне, а я на своей четверке с итальянскими номерами хотел тоже доехать до Святого Людовика. Он говорит: я не могу приехать на этой машине с польскими флагами, заезжай и заberi меня. А дело в том, что я тогда попал в маленькую аварию, поэтому моя машина была разбита. И на этой разбитой машине с итальянскими номерами – «четверке» Жигулей, мы с владыкой Кондрусевичем приехали вместе с кортежем польского посольства. Я рассказываю об этом потому, что именно в таком контексте состоялось открытие католического колледжа. Владыка Кондрусевич в ноябре того же 1991 г. сказал, что надо что-то делать, чтобы показать, что в России религия возрождается, возрождается и Католическая церковь. Как раз в ноябре 1991 г. проходил Синод католических епископов Европы, вот мы и откроем институт богословия для мирян. Еще приходы не были зарегистрированы, ничего еще не было устроено. Ну, мы и открыли – как раз отец Пикус и я, единственные два католических священника, которые тогда были в Москве. Правда, был еще отец Йозеф Гунчага в Рязани, который, кстати, до сих пор там. Но тогда у него еще не было доктората. Это позднее он приехал в Рим, чтобы закончить докторат, но ему нужно было сразу вернуться в Рязань, чтобы спасти приход. И тогда я вспомнил, что меня долго осаждал один священник из Вероны, который хотел тоже работать в России.

Но тогда еще было невозможно устроиться в Москве, а он хотел со мной работать в посольстве. И я ему сказал: пока это невозможно, но может получиться там, где есть католики, например в Поволжье, в Марксе. И этот священник, отец Бернардо Антонини, отправился в Маркс, чтобы затем спокойно что-то делать в Москве. А раз владыка Кондрусевич сказал, что надо открыть институт богословия, то оказалось, что у отца Бернардо был хороший диплом библеиста. И его вызвали из Маркса. Сначала он жил у меня, потом у других людей. Таким образом, этот институт открыли три священника – Тадеуш Пикус, я и Бернардо Антонини.

А как открыть богословский католический институт в Москве в 1991 г. с тремя священниками и с местными специалистами, которые не имели никаких дипломов католических университетов? И вот это очень интересный момент. Благодаря самому Ивану Владимировичу Лупандину, Петру Дмитриевичу Сахарову и многим другим мы собрали часть преподавателей из общины отца Александра Меня, который был связан с Католической церковью, а часть – из советского академического мира. Очень много людей – математики, как Юлий Анатольевич Шрейдер, или ученые разных направлений, как наш Николай Мухелишвили, который пришел потом, – интересовались богословием. Но богословием чисто технически. В России это слово немножко чуждое. В России существует религиозная философия. Религиозная философия содержит в себе все, прежде всего – это наука и религия.

Представьте себе, я – молодой семинарист, студент в Италии, который интересовался Россией, состоял в ассоциации «Centro Russia Cristiana» – «Христианская Россия» в Милане, в Сериате. Там были священники. Кстати, 12 октября этого 2023 г. исполняется 100 лет со дня рождения одного из этих священников, отца Романо Скальфи. Это отец Романо Скальфи принял меня в эту общину «Russia Cristiana» и сказал: «Ты – молодой, изучай русский язык». И мы начали изучать русский язык. Он дал мне несколько публикаций – читай. Ну там «Правду», «Известия», «Бюллетень совета родственников узников евангельских христиан-баптистов СССР». И потом «Науку и религию». Я действительно изучил все номера «Науки и религии» и понял, что в России именно внутри атеистического советского общества существует некая религиозная культура, которая нам в Италии не очень понятна. Например, в «Науке и религии» я прочел много статей про итальянского режиссера Федерико Феллини. И подумал, что в России все считают Федерико Феллини религиозным человеком. А в Италии никто не считает его религиозным человеком. Я не очень понял это. Это было действительно сравнение культур, которое сейчас очень трудно объяснить молодым людям.

В 1991 г. мы начали с представления о том, что нужен католический институт для мирян для подготовки катехизаторов, сотрудников для наших приходов, которых еще мало в России. Поэтому будет первый выпуск, второй, третий выпуск сотрудников, а потом уже больше не потребуются. Но мы не знали, как это сделать. Вдвоем с отцом Бернардо мы часами обсуждали эти проблемы: как организовать курсы. Отец Бернардо был особенный человек: он один час говорил сам, потом один час спал и не слушал. А потом, когда я заканчивал свою часть, он просыпался и опять говорил свое. Он хотел делать так, как это делают в его родном городе Верона. Я больше знал, как такие дела делают в Риме и других местах, но никто не знал, как это делать в России. А потом этот первый вариант колледжа, чисто епархиального, католического, исчерпал свое предназначение, потому что не надо было готовить столько специалистов, и отец Бернардо основал духовную семинарию. Владыка Кондрусевич, в принципе, уже говорил, что нам богословский институт уже особо не нужен, давайте отдадим его иезуитам. Иезуиты обосновались в Новосибирске и не хотели особо быть в Москве. Но потом они согласились работать в Москве. И приехал отец Станислав Опеля, которого уже упоминал Иван Владимирович. Я один год, ну полтора-два года был заместителем директора колледжа Бернардо Антонини, а потом сдал дела отцу Опеле. В этот момент мы приняли на работу Николая Львовича, который пришел от Юлия Анатольевича Шрейдера. Николай Львович был для нас еще один мир. Он был очень советский человек, большой ученый, наследник аристократического ученого рода – грузинского, а не русского. И такой особо не католик, но христианин, экуменист. С таким человеком мы стали придумывать новый подход. Новый подход к богословию, новый подход к религиозной философии, новый подход к религиозному возрождению, новый подход к изучению религии в академическом мире.

Тогда мы в колледже сотрудничали также и с православными. Вместе с Мухелишвили и другими людьми мы неофициально создали в конце 1990-х совместную комиссию, чтобы помочь православным разработать документ по социальной доктрине Церкви. Потому что в Католической церкви была вековая традиция социального учения, начиная с энциклики «*Regum novarum*» 1897 г. Представляете, это был первый документ социальной доктрины Католической церкви, который написал папа Лев XIII, вдохновившись работой Владимира Соловьева «Россия и Вселенская церковь». Идея Соловьева была такова: существует третий путь – не капитализм и не социализм, а некий синтез в соединении России и Католической церкви. Мы довели эту работу до конца, отдали получившийся материал, и этот материал вошел в финальный документ

«Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», который был принят Юбилейным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 2000 г. Этот документ был подготовлен митрополитом Кириллом, нынешним патриархом. Конечно, наша разработка вошла в православный документ с определенными поправками. Но дело не в них, а дело в том, что мы действительно верили с Николаем Львовичем, что можно сравнивать, соединять, сливать, сопоставлять латинскую традицию и восточную – греческую, русскую, древнюю, современную. Он был человек, как бы сказать, неоднозначный, умел очень хорошо парировать в споре, чтобы выявить то, что нужно России. России нужен некий синтез Востока и Запада, синтез старого и нового, синтез разных направлений человеческого духа. Я считаю, что Николай Львович был сам олицетворением этого синтеза. Он впустил в себя эти ценности, он пытался, боролся, даже с иезуитами боролся последние годы, после того как в 2001 г. отец Станислав Опеля стал первым католическим священником в постсоветской России, которому запретили въезд в Россию и лишили визы. Я был вторым, и это нас с ним объединяет. Но мы с ним каждый по-своему следовали своему плану.

Я думаю, что эта задача не исчерпала себя, несмотря на происходящие сейчас события. Россия не может быть чем-то одним, только Востоком или только Западом. И последнее воспоминание... Я узнал о событиях 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке от Николая Львовича. Мы были оба в колледже, я читал лекцию, он сидел в своем кабинете. Тогда он ворвался в аудиторию и сказал: бомбили Нью-Йорк. И мы с ним сидели два-три дня просто безвылазно, дено и ночью читали, писали, звонили, ели, пили, курили много, чтобы понять, каким будет мир. Этот вопрос встает и сегодня. Каков будет мир? И я в своих молитвах, в своих воспоминаниях все еще обсуждаю эти вопросы с Николаем Львовичем.

Александр Сергеевич Горелов

В тех события, о которых вспоминали Иван Владимирович и отец Стефано Каприо, я тоже в какой-то степени принимал участие, но не как преподаватель колледжа и его основатель, а сначала как студент. В 1990-е гг. я пришел в Католическую церковь, пришел в колледж. И в какой-то момент упоминавшийся здесь дон Бернардо отправил меня в Италию, чтобы я там получал второе философское образование в городе Падуя, в Падуанском университете с тем, чтобы вернуться и преподавать в католических учебных заведениях в России. Это было тем самым развитием колледжа, семинарии, всего того, чем дон Бернардо занимался в России.

Находясь в Италии, я выучился. И помню, что в переписке, кажется, отец Сергей Николенко мне написал впервые эту фамилию – Мусхелишвили. Я прочитал, что теперь колледжем занимается Мусхелишвили, это такой друг Шрейдера. Шрейдера-то я знал, я у него учился. Вообще о нем я знал даже до всякого католичества своего. Такая видная фигура. Про Мусхелишвили я ничего такого не знал. Я поинтересовался литературой, в интернете нашел статью Мусхелишвили и Шрейдера. Совершенно не запомнил, о чем она, но помнил одну деталь: там цитировалось некоторое суждение Надежды Мандельштам о поэзии Маяковского. На это я тогда обратил внимание, а на общую суть статьи как-то не очень. Это была статья «Иов-ситуация Йозефа К.». Там сравниваются Иов и персонаж «Процесса» Кафки Йозеф К. Сама идея меня, видимо, почему-то оставила равнодушным. А вот то, что там Надежда Мандельштам о Маяковском говорила, и то, как это там это цитируется, я запомнил. Это была для меня тогда новая мысль о том, что основная тема поэзии Маяковского формулируется так: «Мама, почему она мне не дала?» Авторы – Шрейдер и Мусхелишвили – пишут, что, между прочим, это вполне серьезная проблема, тема для поэзии, жизненная, гораздо более подлинная, чем «я себя под Лениным чищу». Я тогда обратил на это внимание, но никаких особых выводов пока сделать не мог.

Потом я вернулся в Москву и стал работать. Сначала был Колледж имени святого Фомы Аквинского, Колледж католической теологии, потом он в какой-то момент стал Институтом уже не католической, а просто философии, теологии, истории, и не имени, а просто святого Фомы и не Аквинского. Я как-то спросил у Николая Львовича: какого святого Фомы? Он говорит: нормального, этого, апостола. Так вот, начав там работать, я, конечно, познакомился с Николаем Львовичем, и он, конечно, на меня произвел впечатление такое, чисто внешнее, какого-то необъятного человека, хочется сказать, с нечеткими границами. Мне кажется, что, если вы читали Честертона «Человек, который был Четвергом», то запомнили такого персонажа Воскресенье. Такое он на меня впечатление произвел, огромное. Поначалу дали мне преподавать историю, философию Нового и Новейшего времени, после Гегеля. Программу надо было составить, и я ее составил, принес Мусхелишвили. Он говорит, что ты тут написал? Шопенгауэр, Ницше... Что Шопенгауэр? Что Ницше? Ну, ладно. Я тогда переписал, что Шопенгауэр, и что Ницше, то есть в чем состоит проблема. Далее – русская философия. Сам я защитил итальянский диплом по философии Флоренского по предложению моего итальянского профессора. Он сам занимался философией науки, и я тоже хотел заниматься философией науки, в конце концов, я по первому образованию физик, математик,

МФТИ закончил. Он говорит: я тут что-то прочел у вашего Флоренского, не хочешь ли заняться Флоренским. Я ответил: хорошо, займусь Флоренским. Я почитал, меня заинтересовал Флоренский, и я с удовольствием им занялся, написал в Падуе дипломную работу, а потом уже в Москве кандидатскую диссертацию по философии. Я сейчас не случайно упоминаю о Флоренском. Это имеет отношение не только лично ко мне, но и к теме нашего разговора. По сути это ружье, которое выстрелит. Я понял, что русскую философию, наверное, тоже надо включить в этот период после Гегеля. Но какого-то отдельного курса для нее не предусматривалось. Я сказал об этом Николаю Львовичу. Он говорит: ну, что там русские философы... Разве что, кроме Франка. На самом деле то, что он Франка выделил, это был некоторый знак.

Поскольку я никогда не был близким другом Николая Львовича и никогда не читал никаких его статей, кроме той, о которой уже упомянул, то вообще о его научных интересах я всегда имел, скажем так, очень отдаленное представление. Вроде бы психолог, но ничего более конкретного. И то, о чем я вам сегодня расскажу, о моем знакомстве с Николаем Львовичем, будет немножко напоминать известную историю про слепых, которые ощупывали слона и обсуждали, каков слон на ощупь. Один сказал, что он похож на колонну, потому что ногу ощупывал, и так далее. У меня вышло примерно то же самое. Все по каким-то знакам. Так вот, Франк был упомянут, конечно, совершенно не случайно, потому что на общем фоне русских философов, или русской религиозной философии конца XIX – начала XX в., он как раз отличается тем, что у него исходный пункт – это анализ знания. Что такое знание. И через это Франк выходит на религиозную проблематику. Есть знание предметное – науки, а есть знание более глубокое, интуитивное, и как раз через него мы выходим в религиозную проблематику. Эти проблемы, видимо, были близки Николаю Львовичу.

Потом через какое-то время колледж стал реформатироваться, там была поставлена задача соответствовать некоторым государственным стандартам. Эту задачу было решать очень сложно, требовалось оформление огромного количества документации, причем чем дальше в лес, тем злее партизаны. Каждый год появлялось что-то новое, и все надо было переписывать заново. Мне были поставлены в колледже новые формальные условия. Вначале я им еще удовлетворял, а потом перестал, потому что мое образование, МФТИ, совершенно не соответствовало преподаванию философии, а мой падуанский диплом не был нострифицирован. Я даже не пытался это сделать, мне говорили, что это очень сложно. Но можно было преподавать другой предмет, который назывался именно так, как и журнал, упомянутый

отцом Стефано Каприо, – «Наука и религия». Но что это за предмет и как его надо преподавать? Никаких методических указаний не было, и слава богу. И вот что я придумал. Я рассказывал об истории взаимоотношений науки и религии слегка, можно сказать, апологетически. Смысл моего рассказа состоял в том, что религия, вопреки распространенному мнению, не боролась с наукой, а скорее даже наоборот. Потом Николай Львович мне сказал: а давай ты еще в Центре изучения религий РГГУ преподаешь «Науку и религию». С Центром изучения религии РГГУ у Института святого Фомы были тесные связи, многие люди работали и там, и там. В РГГУ курс «Наука и религия» был более продолжительный. По поводу этого курса у Николая Львовича были ко мне очень четкие требования, чего он бы хотел от этого курса. Половина курса будет вся эта история, которая его слабо интересовала, а другая половина – серьезные вещи. Смотри, говорит он, вот тебе текст. Хороший, очень интересный, умный текст. Это была переведенная с английского языка книга Иэна Барбура, которая называлась «Мифы, модели и парадигмы». Видимо, он сам ее и перевел, как я понимаю. На самом деле здесь тоже очень хорошо видны интересы самого Николая Львовича.

Позже Николай Львович попросил меня перевести две работы. Одна работа была про средневековую мистику – о книге Лудольфа Саксонского «*Vita Christi*» – «Жизнь Христа», XIV в. Перевод был опубликован в издательстве Института святого Фомы, с картинками. А другая работа, она была опубликована в журнале «Символ», это работа Поля Рикера «Библейская герменевтика». И то и другое тоже имело, конечно, самое прямое отношение к научным интересам Мухомелишвили: когнитивная психология религиозного опыта, психология познания познавательных процессов, приложенная к религиозному опыту.

Почему я в свое время занялся Флоренским? Я увидел во Флоренском какую-то черту, которую видел в ряде своих знакомых людей, включая, например, Шрейдера. Шрейдер – это просто такой, я бы сказал, парадигматический пример. Человек, который занимается наукой, математикой, и который как-то изнутри этой науки почему-то вдруг приходит к вопросу о смысле жизни. Я не знаю, так ли это было у Николая Львовича. Но допускаю, что могло быть нечто в этом роде. Биология, потом психология, потом выход в религиозную сферу. Но это только, что называется, мое допущение. Как раз Флоренский меня заинтересовал именно тем, что он чем-то напоминал мне вот этих людей, которые мне были, что называется, социально близки, знакомы и приятны. Сейчас уже, по-моему, нет ничего такого. Это могло быть тогда, на изломе социализма. А сейчас все совершенно иначе, и такие люди уходят.



Рис. 5. Выступление А.С. Горелого на круглом столе.
Личный архив М.М. Базлева, Москва

Что касается конкретно Николая Львовича, его человеческих свойств, он был действительно очень добрый человек. У меня с ним был связан такой эпизод. У нас с женой была собака, а моя жена училась в одной школе с Гогой Мухелишвили, сыном Николая Львовича. Но самого Николая Львовича она не знала. А наша собака серьезно болела сердечной болезнью, и нужно было лекарство, которое в Москве не было легализовано. Его надо было привозить из-за границы или покупать в Москве за очень большие деньги из-под полы. Поэтому, если кто ездил в те страны, где это лекарство можно было купить, то я обычно просил его привезти. И я как-то сказал Алексею Юдину, что нужно привезти такое вот лекарство, если кто поедет за границу. Алексей мне говорит: скоро Мухелишвили поедет, ты его попроси, для него собака – это святое. И Николай Львович привез без всяких вопросов, для него это было совершенно естественно, а для меня удивительно.

Последний раз в своей жизни я видел Николая Львовича на каком-то приеме в Нунциатуре. Николай Львович был очень подавлен. У него всегда было очень грустное выражение лица. Он, конечно, шутил, очень мило шутил. Но все равно какая-то глубинная грусть в нем чувствовалась всегда. А на этом приеме он был просто очень мрачный, потому что Институт Фомы реформировали, скажем так. И это, конечно, было очень грустно. И еще одну историю я вспомнил. Это было в институте на каком-то собрании. Я очень удивился, потому что все преподаватели, которые выступали передо мной, или почти все, ругали студентов. Все они

жаловались на студентов. Потом стал говорить я. Конечно, говорю, это все правда, но других-то студентов у нас нет. А на следующем собрании я получил такой отклик от Николая Львовича. Открывая это собрание, он сказал: и помните, как говорил товарищ Сталин, других студентов у нас нет. И улыбнулся мне. Вот такой отклик.

Александр Иванович Кырлежев

Я не совсем понимаю, почему я здесь присутствую, потому что мои отношения с Николаем Львовичем ни в какую цепочку не выстроить. Я с ним не работал, не взаимодействовал в каких-то проектах. Это был просто ряд личных встреч в разных контекстах: на каких-то конференциях, в каких-то поездках и в других ситуациях, когда у нас случалось личное общение (в том числе однажды и в уже упомянутом ресторане «Илларион», где мы что-то важное обсуждали...). Особых, интересных воспоминаний у меня просто нет. Поэтому я обращаю внимание на другое, а точнее – на другого человека. Организаторы хотели пригласить сюда Галину Владимировну Вдовину, которая очень много взаимодействовала с Николаем Львовичем. Но она, к сожалению, сейчас в больнице и не смогла даже выйти на связь «по зуму». Я хочу просто напомнить кратко то, что знаю. Я с ней взаимодействовал по-разному в течение больше 30 лет и был первым заказчиком перевода, который она сделала в начале 1990-х, но при этом знаю, что был период, в нулевые годы, когда она работала с Мухелишвили очень плотно и перевела для него огромное количество текстов. Это было, конечно, обоюдное сотрудничество, потому что она получала таким образом постоянную работу и поддержку, а Николай Львович получил удивительно качественного переводчика. Теперь Галина Вдовина уже довольно известный и авторитетный историк философии, но при этом она еще и мощный переводчик философской и теологической литературы практически со всех языков, кроме восточных. Для серии книг, которую стал выпускать Институт святого Фомы под руководством Мухелишвили, она делала переводы. А для защиты ее докторской диссертации именно Николай Львович издал соответствующий текст в 2009 г.⁶ – это была ее первая большая монография (потом вышло еще несколько монографий, и какие-то новые еще пишутся). Защита прошла прекрасно; помню, что один из оппонентов, А.Л. Доброхотов, сказал, что это реально новое слово в истории философии соответствующего периода. Можно вспомнить и журнал «Символ». Я помню, как в Институте была устроена

⁶ [Вдовина 2009].

дискуссия после выхода ее перевода текста Ж.-Л. Мариона «Идол и дистанция»⁷, опубликованного в отдельном номере «Символа». Это было важно, поскольку пусть не книгой, но все равно этот важный текст стал доступен по-русски заинтересованным читателям. Я могу засвидетельствовать, что у Гали Вдовиной и Николая Львовича было очень тесное и интенсивное сотрудничество и взаимопонимание, которое, судя по всему, было важным для обоих.

Только один раз я был у него дома. Мы – несколько человек – зашли уже поздно вечером после какого-то заседания и расселись на кухне. Тогда он мне подарил одну из трубок Мамардашвили, и я ее бережно храню как своего рода связку времен. Потому что для меня Мамардашвили был каким-то «средневековым» персонажем – я никогда не видел его самого, только тексты, тогда уже из прошлого века, а Николай Львович был в нынешнем. Потом Николай Львович меня спросил: «Смотри, у меня усы желтые – что делать?» Моя старшая дочь профессионал в этом деле, и я уже ее спросил, что делать. Она сказала, что узнает, навела справки: да, есть такие шампуни в специализированных магазинах. Она мне купила этот шампунь, и я ему передал. И таким странным образом ответил подарком на подарок.

Константин Михайлович Антонов

Сказать что-то о работе Николая Львовича в экспертном совете ВАК по теологии – это довольно сложная задача. Отчасти очень простая, а отчасти очень сложная. Она очень простая, потому что можно просто коротко сказать, что Николай Львович, сколько мы с ним там заседали, по большей части там молчал. Другое дело, что это молчание было, так сказать, довольно выразительным. Иногда, если сидеть с ним рядом, он говорил всякие слова, иногда говорил их на ухо, чтобы было не слышно. Здесь уже этот вопрос понимался, часто это были непроизносимые выражения. Но если пытаться это как-то интерпретировать теперь, то мне кажется, что он относился к тому, что там происходило, с некоторой обреченностью. Мне кажется, это самое подходящее слово – «с некоторой обреченностью». С одной стороны, он же не отказывался туда ходить, хотя далеко не все члены Совета посещали регулярно эти заседания и вопрос кворума там часто вставал. А он регулярно туда приходил. А поскольку это были еще ковидные времена, большое количество людей предпочитало сидеть «в зуме». А он приходил лично. Значит, можно сказать, что, с одной стороны, ему

⁷ [Марион 2009].

казалось, видимо, что зачем-то это нужно. И он это воспринимал как некоторую важную обязанность, вот я так, пожалуй, бы сказал. В то же время к происходившему там содержательно он относился с большим скепсисом. Наверное, вот так можно это описать самым простым образом. Все-таки это какая-то область знания, которая как-то себя реабилитирует, что она должна существовать. Но, по-видимому, больших иллюзий по поводу достижений этой области знания у него не было.

Алексей Викторович Юдин

Борис Сергеевич Братусь произнес то слово, которое у меня давно вертелось в голове, – «фрагменты». Это слово открывает доступ к латинской фразе «colligite fragmenta, ne pereant» – «соберите кусочки, чтобы ничего не пропало». И в этом, по сути, состоит наша сегодняшняя задача. Фрагменты, кусочки пропадают из памяти постоянно, даже не каждый день, а каждый час, каждую минуту что-то пропадает. А в случае нашего героя – Николая Львовича Мухелишвили – все выходит особенно непросто, и очень многое уже пропало. Мое подготовленное выступление было написано заранее, и его можно прочесть. Оно называлось «Мух», или «Тайна Муха». Тайну человека разгадать нельзя, но приблизиться к ней можно. И сегодня каждый из нас совершил свое приближение к этой тайне.

Благодаря вам, дорогие коллеги, многое было сделано, но немало историй, связанных с жизнью Николая Львовича Мухелишвили, еще осталось нерассказанными и нераскрытыми. Сегодня мы ничего, к сожалению, не сказали про его супругу Людмилу Климентьевну Минц, которую он боготворил. А через нее и через ее отца Климентия Борисовича Минца открывается прямой выход на наследие ОБЭРИУ'тов. А эта тема, тут я, конечно, вовсе не являюсь специалистом по проблемам сознания, представляла для Николая Львовича не только жизненный, семейный, но и научный интерес. Ничего не было сказано о ближайших друзьях Николая Львовича – Георгии Инаури, Станиславе Маевском. Их дружба длинной в жизнь была для меня живым примером просто античной преданности друг другу. О многом мы сегодня не поговорили, но многие, причем очень важные фрагменты, кусочки и целые куски жизни Николая Львовича Мухелишвили нам удалось собрать. И это, надеюсь, уже не пропадет. Спасибо!

Михаил Максимович Базлев

Я, наверное, хотел бы закончить наш прекрасный круглый стол двумя вещами. Во-первых, я необычайно благодарен всем тем, кто пришел и смог выступить. Многие, к сожалению, не смогли, хотя очень хотели. В частности, не так давно, в конце сентября, я был в Пятигорске на конференции как раз по исследованиям сознания и разговаривал с Татьяной Черниговской. Она вспоминала, как они ездили на эти школы Совета, но, к сожалению, она не смогла быть, поскольку сегодня проходят выборы в РАО. Но все это наталкивает меня на мысль, что если посмотреть на то, что сейчас происходит в науке, с точки зрения современной истории науки – то, о чем говорили Вы, Руджеро Сергеевич, о том, что проблема сознания на самом деле становится одной из первостепенных интересов нашей культуры, это институционально закрепляется. Создали новое направление – 5.12, специальность ВАК «Когнитивные науки», по междисциплинарным исследованиям мозга, междисциплинарным исследованиям языка.

Все это показывает, что работа, которую вел Николай Львович, в некотором смысле была пророческой для того, что мы сейчас имеем. Это был такой первый шаг в том, что мы сейчас пытаемся уже формализовать для того, чтобы дальше систематично начинать изучать. И мне вспоминается, как в начале еще XX в. Вернадский говорил о том, что мы должны создать такую науку, как история науки. Потому что, чтобы понимать, куда мы должны двигаться, мы должны понимать, как мы этот путь проходим. И мне кажется, что здесь вот одна из важнейших вещей, это действительно попытаться собрать все те направления, которые сплотил вокруг себя Николай Львович, для того чтобы понять, куда мы идем и что мы на самом-то деле можем найти, и это не решается какой-то одной дисциплиной. Мы не можем здесь ограничить мир только психологией, только философией, только лингвистикой, только биологией, фармакологией, физиологией и так далее. Мы должны работать сообща. И вот эта уникальная особенность Николая Львовича – объединить людей, где он сам может в целом не сказать ничего, но потом, придя на кухню, высказаться обо всем. Она абсолютно уникальна. И мне кажется, что то, что мы смогли собраться здесь и провести этот круглый стол, это, возможно, тот первый шаг, который нужен, чтобы понять, какие направления на самом-то деле, о которых мы знаем только фрагментарно, должны выстраиваться. И здесь действительно нужно понимать, что, с одной стороны, мы говорим о некотором знании, некотором поиске, которым живет ученый. И этим поиском Николай Львович жил до последних дней, потому что фактически, но каждый раз, когда



Рис. 6. Модераторы круглого стола – А.В. Юдин и М.М. Базлев.
Личный архив М.М. Базлева, Москва

я видел, что на него накатывает та самая апатия, грусть, я ему говорил: «Николай Львович, а давайте вот эту проблему исследуем?» И до последнего мне удавалось его зажечь, и мы кидались с головой в какую-то тему, не спали ночами, работали. Как когда мы отправляли Вам, Руджеро Сергеевич, статью по инсайту, которая была написана буквально за пару месяцев, просто потому что мы кинулись в нее с головой. И это первый шаг к тому, чтобы эту историю делать. Но, как и говорил Вернадский, здесь нужно помнить, что за каждой такой историей всегда стоит личность. И это действительно самостоятельная, отдельная работа, которая, мне кажется, является принципиальной. Потому что, как в свое время заметил Дильтей, мы все время упираемся на самом-то деле не в получение знания, а в понимание. И для того чтобы достигнуть этого понимания, нам нужно смотреть на личности. И Николай Львович, на мой взгляд, является одной из тех личностей, которая позволяет собрать все то многообразие знаний, которые мы отдельно получаем, и подвергнуть их пониманию. Даже если это понимание достигается не в рамках конференции, а сидя на кухне с сигаретой и чашкой кофе.

Литература

- Вдовина 2009 – Вдовина Г.В. Язык неочевидного: Учения о знаках в схоластике XVII в. М.: Изд-во Ин-та философии, теологии и истории св. Фомы, 2009. 649 с.
- Марион 2009 – Марион Ж.-Л. Идол и дистанция / пер. Г.В. Вдовиной // Символ. 2009. № 56. 290 с.

- Мильтштейн, Спивак 1971 – *Мильтштейн Г.И., Спивак Л.И.* Психотомиметики. Л.: Медицина. Ленингр. отд-ние, 1971. 149 с.
- Мусхелишвили, Базлев 2022a – *Мусхелишвили Н.Л., Базлев М.М.* Феномен инсайта в свете теории информации // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. 2022. № 10. С. 1–5.
- Мусхелишвили, Базлев 2022b – *Muskhelishvili N.L., Bazlev M.M.* The phenomenon of insight in the light of information theory // Automatic documentation and mathematical linguistics. 2022. Vol. 56. No. 5. P. 261–264.
- Мусхелишвили, Спивак, Шрейдер 1996 – *Мусхелишвили Н.Л., Спивак Д.Л., Шрейдер Ю.А.* В поисках общего значения: Сравнительный анализ восточных и западных молитв // Страницы: богословие, культура, образование. 1996. № 4. С. 80–91.

References

- Vdovina, G.V. (2009) *Yazyk neochevidnogo: ucheniya o znakakh v skholastike XVII veka* [The language of the non-obvious. The doctrine of signs in the scholastic of the 17th century], St. Thomas Institute of Philosophy, Theology and History, Moscow, Russia.
- Marion, J.-L. (2009), “Idol and distance”, *Simvol*, no. 56.
- Milstein, G.I. and Spivak, L.I. (1971), *Psikhotomimetiki* [Psychotomimetics], Meditsina. Leningrad, USSR.
- Muskhelishvili, N.L. and Bazlev, M.M. (2022) “The phenomenon of insight in the light of information theory”, *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 2: Informatsionnye protsessy i sistemy*, no. 10, pp. 1–5.
- Muskhelishvili, N.L. and Bazlev, M.M. (2022) “The phenomenon of insight in the light of information theory”, *Automatic documentation and mathematical linguistics*, vol. 56, no. 5, pp. 261–264.
- Muskhelishvili, N.L., Spivak, D.L. and Shreider, Yu.A. (1996), “In search of common meaning. A comparative analysis of the Oriental prayers and a Western one”, *Stranitsy: bogoslovie, kul'tura, obrazovanie*, no. 4, pp. 80–91.

Информация об авторах

Константин М. Антонов, доктор философских наук, профессор, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия; 115184, Россия, Москва, ул. Новокузнецкая, д. 23Б; *konstanturg@yandex.ru*

Анатолий В. Ахутин, кандидат химических наук, Центр европейских гуманитарных исследований, Киев, Украина; Украина, 04070, Киев, Волошская ул., д. 8/5; *akhutin@gmail.com*

Михаил М. Базлев, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Москва, Россия; 115409, Москва, Россия, Каширское шоссе, д. 31; *mmbazlev@mephi.ru*

Борис С. Братусь, доктор психологических наук, член-корреспондент РАО, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9; Российский православный университет святого Иоанна Богослова, Москва, Россия; 127473, Россия, Москва, Чернышевского пер., д. 11А, стр. 1; *boris.bratus@gmail.com*

Руджеро С. Гиляревский, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Всероссийский институт научной и технической информации РАН, Москва, Россия; 125190, Россия, Москва, ул. Усиевича, д. 20; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1; *ruggero29@gmail.com*

Александр С. Горелов, кандидат физико-математических наук, кандидат философских наук, Москва, Россия; *asgorelov@mail.ru*

Гасан Ч. Гусейнов, доктор филологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; *gusejnov@gmail.com*

Стефано Каприо, доктор церковных наук, доктор богословия, профессор, Папский Восточный институт; 00185, Италия, Рим, пл. Санта-Мария-Маджоре, д. 7; *stefanomcaprio@hotmail.com*

Александр И. Кырлежев, журнал «Государство, религия, церковь в России и за рубежом» (РАНХиГС), Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, пр-кт Вернадского, д. 84; *kyrlezhev@gmail.com*

Ольга В. Лашкова, Библиотека Ноттингемского университета; NG7 2NR, Великобритания, Ноттингем, кампус Кингс Мидоу, Лентон Лейн; *olga.lashkova282@gmail.com*

Иван В. Лупандин, кандидат философских наук, доцент, Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет); 141701, Россия, Долгопрудный, Институтский пер., д. 9; Общецерковная аспирантура и докторантура им. Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия; 115035, Россия, Москва, ул. Пятницкая, д. 4/2, стр. 1; *ivanlupandin@yandex.ru*

Георгий Н. Мухелишвили, доктор философии, доктор психологии, Орден психологов Квебека; H1X 1K2, Канада, Монреаль, бульвар Роузмонт, д. 3300; *info.psyhelp@yahoo.ca*

Дмитрий Л. Спивак, доктор филологических наук, профессор, Кафедра ЮНЕСКО по компаративным исследованиям духовных традиций, специфики их культур и межрелигиозного диалога, Санкт-Петербург, Москва, Россия; 129301, Россия, Москва, ул. Космонавтов, д. 2; *d.spivak@mail.ru*

Николай В. Шабуров, кандидат культурологии, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; nshaburov@yandex.ru

Алексей В. Юдин, кандидат исторических наук, доцент, Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы имени М.И. Рудомино, Москва, Россия; 109240, Россия, Москва, ул. Никольямская, д. 1; alessiojudin@yandex.ru

Иван Юркович, доктор канонического права, католический титулярный архиепископ Крбавы, Апостольская нунциатура в Канаде, Оттава, Канада; K1M 0E3, Канада, Оттава, 724 Мэнор Авеню; vanceigm@gmail.com

Information about the author

Konstantin M. Antonov, Dr. of Sci (Philosophy), associate professor, St. Tikhons Orthodox University, Moscow, Russia; 23B, Novokuznetskaya St., Moscow, Russia, 115184; konstanturg@yandex.ru

Anatolii V. Akhutin, Cand. of Sci. (Chemistry), Center for European Humanities Research, Kiev, Ukraine; 8/5, Voloshskaya St., Kiev, Ukraine, 04070; akhutin@gmail.com

Mikhail M. Bazlev, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; National Research Nuclear University MEPhI (Moscow Engineering Physics Institute), Moscow, Russia; 31, Kashirsky Highway, Moscow, Russia, 115409; mmbazlev@mephi.ru

Boris S. Bratus, Dr. of Sci (Psychology), corresponding member RAE, professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; 11/9, Mokhovaya St., Moscow, Russia, 125009;

St. John the Theologian's Russian Orthodox University, Moscow, Russia; 11A/1, Chernyshevsky Line, Moscow, Russia, 127473; boris.bratus@gmail.com

Ruggero S. Gilyarevsky, Dr. of Sci (Philology), honored scientist of the Russian Federation, professor, All-Russia Institute for Scientific and Technical Information (VINITI RAS), Moscow, Russia; 20, Usievicha St., Moscow, Russia, 125190; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; 9/1, Mokhovaya St., Moscow, Russia, 125009; ruggero29@gmail.com

Alexander S. Gorelov, Cand. of Sci. (Physics and Mathematics), Cand. of Sci. (Philosophy), Moscow, Russia; asgorelov@mail.ru

Gasán Ch. Guseynov, Dr. of Sci. (Philology), professor, HSE University, Moscow, Russia; 20, Myasnitskaya St., Moscow, Russia, 101000; guseynov@gmail.com

Stefano Caprio, Dr. of Sci. (Ecclesiastice Orientali), Dr. hab. in Theology, professor, Pontifical Oriental Institute, Italy, Rome; 7, Piazza di S. Maria Maggiore, Rome, Italy, 00185; stefanomcaprio@hotmail.com

Alexander I. Kyrlezhev, Journal “Gosudarstvo, religiya, tserkov’ v Rossii i za rubezhom” (RANEPA), Moscow, Russia; 84, Vernadsky Av., Moscow, 119571, Russia *kyrlezhev@gmail.com*

Olga V. Lashkova, Nottingham University Library, Nottingham, UK; King’s Meadow Campus, Lenton Lane, Nottingham, UK, NG7 2NR; *olga.lashkova282@gmail.com*

Ivan V. Lupandin, Cand. of Sci. (Philosophy), associate professor, Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University), Moscow, Russia; 9, Institutsky Line, Dolgoprudny, Russia, 141701; Saints Cyril and Methodius Institute for Postgraduate Studies, Moscow, Russia; 4/2-1, Pyatnitskaya St., Moscow, Russia, 115035; *ivanlupandin@yandex.ru*

Georgi N. Muskhelishvili, Ph. D., Psy. D., Order of Psychologists of Quebec, Montreal, Canada; 3300, Bd Rosemont, Montreal, Canada, QC H1X 1K2; *info.psyhelp@yahoo.ca*

Dmitry L. Spivak, Dr. of Sci (Philology), professor, UNESCO Chair on Comparative Studies of Spiritual Traditions, their Specific Cultures and Interreligious Dialogue, St. Petersburg, Moscow, Russia; 2, Cosmonavtov St., Moscow, Russia, 129301; *d.spivak@mail.ru*

Nikolai V. Shaburov, Cand. of Sci. (Cultural Studies), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; *nshaburov@yandex.ru*

Alexey V. Yudin, Cand. of Sci. (History), Margarita Rudomino All-Russia State Library for Foreign Literature, Moscow, Russia; 1, Nikoloyamskaya St., Moscow, Russia, 109240; *alessiojudin@yandex.ru*

Mons. Ivan Jurković, Dr. of Canon Law, Titular Archbishop of Krbava, Apostolic Nuncio to Canada, Apostolic Nunciature in Canada, Ottawa, Canada; 724 Manor Ave, Ottawa, Canada, K1M 0E3; *vanceigm@gmail.com*